

INSPIRIA

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ
30 МИЛЛИОНОВ ЭКЗЕМПЛЯРОВ
КНИГ ШАРЛОТТЫ ЛИНК

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ШАРЛОТТА ЛИНК

Национальный
бестселлер №1

INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. Германия

Шарлотта Линк

Наблюдатель

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.112.2-312.4

ББК 84(4Гем)-44

Линк Ш.

Наблюдатель / Ш. Линк — «Эксмо», 2012 — (Ток.
Национальный бестселлер. Германия)

ISBN 978-5-04-195732-2

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ 30 МИЛЛИОНОВ ЭКЗЕМПЛЯРОВ КНИГ ШАРЛОТТЫ ЛИНК. НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР № 1. Шарлотта Линк – самый успешный современный автор Германии. Все ее книги, переведенные на почти 30 языков, стали национальными и международными бестселлерами. В 1999-2023 гг. снято более двух десятков фильмов и сериалов по мотивам ее романов. Сочетание глубокого психологизма и мастерски выстроенного детектива-триллера. Пронзительный роман о духовном одиночестве и опасностях, которые оно несет озлобленному и потерянному человеку. Самсона Сигала все вокруг считают неудачником. Да он такой и есть. В свои тридцать лет остался без работы и до сих пор живет в доме со своим братом и его женой... Он странный и замкнутый. И никто не знает, что у Самсона есть настоящее – и тайное – увлечение: следить за своими удачливыми соседями. Он наблюдает за ними на улице, подсматривает в окна их домов, страстно желая стать частью их жизни... Особенно привлекает его красивая и успешная Джиллиан Уорд. Но она в упор не видит Самсона, и тот изливает все свои переживания в электронный дневник. И даже не подозревает, что невестка, которой он мерзок, давно взломала пароль на его компьютере... Когда кто-то убивает мужа Джиллиан, Самсон оказывается главным подозреваемым у полиции, к тому времени уже получившей его дневник. Осознав грозящую опасность, он успевает скрыться. Никто не может ему помочь – за исключением приятеля Джиллиан, бывшего полицейского, который не имеет права участвовать в расследовании. Однако он единственный, кто верит в невиновность Самсона... «Блестящий роман с яркими персонажами». – Sunday Times «Потрясающий тембр авторского голоса Линк одновременно чарует и заставляет стыть кровь». – The New York Times «Пробирает до дрожи». – People «Одна из лучших писательниц

нашего времени». – Journal für die Frau «Мощные психологические
хитросплетения». – Focus

УДК 821.112.2-312.4

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-195732-2

© Линк Ш., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	7
Часть I	9
Суббота, 31 октября 2009 года	9
Воскресенье, 22 ноября	11
Среда, 2 декабря	14
1	14
2	16
3	21
4	25
5	27
Пятница, 4 декабря	30
1	30
2	33
Суббота, 5 декабря	41
Понедельник, 7 декабря	43
Вторник, 8 декабря	47
1	47
2	50
Вторник, 8 декабря, 22.10	55
3	55
Среда, 9 декабря	58
1	58
2	59
3	61
4	65
Четверг, 10 декабря	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Шарлотта Линк

Наблюдатель

Original title: Der Beobachter by Charlotte Link

© 2012 by Blanvalet Verlag, a division of Penguin Random House

© Боченкова О.Б., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2024

Пролог

Он спрашивал себя, заметила ли что-нибудь его жена. Эти ее странные взгляды... она как будто в чем-то хотела его уличить. Ничего не говорила, что совсем не исключало того, что она пристально за ним наблюдает. И делает выводы.

Они поженились в апреле. Сейчас сентябрь, а их отношения так и не продвинулись дальше той фазы, когда молодожены настороженно приглядываются друг к другу, стараясь удерживать при себе собственные комплексы и странности. Но он уже сейчас понимал, что она – нытик. Такие женщины не устраивают истерик, не бьют тарелок и не угрожают вышвырнуть супруга из дома, предпочитая изматывать его непрерывным нытьем.

До сих пор она держалась. Всячески старалась быть примерной супругой. Готовила его любимые блюда, вовремя убирала пиво в холодильник, гладила его рубашки и брюки и смотрела с ним спортивные программы вместо романтических мелодрам. При этом он все время чувствовал на себе ее пристальный взгляд.

Она вышла за него, потому что не справлялась без мужчины, нуждалась в его заботе и защите. Он женился на ней, когда жизнь вдруг стала разваливаться на куски – ни денег, ни постоянной работы. Он как будто потерял равновесие и уже начинал слишком много пить. Даже если и удавалось пристроиться куда-нибудь, где зарплата позволяла оплачивать унылую квартиру, в которой он жил, вкус к жизни был совершенно утрачен. Собственно, это была не жизнь, а бесперспективное существование. Поэтому, когда появилась Люси, с маленькой велосипедной мастерской, доставшейся в наследство от покойного мужа, он увидел в этом шанс. Он всегда умел при случае ухватить быка за рога и гордился этим.

И вот теперь он был женат, имел свой бизнес и крышу над головой. Но не успела жизнь наладиться, как появилось это чувство, похожее на одержимость, – невозможность думать ни о чем, кроме нее. Хотя в глубине души он подозревал, что этим кончится.

Это была не Люси.

Блондинка – не крашенная, как Люси, у которой уже сейчас то там, то здесь мелькали седые волосы, а самая настоящая, с волосами до талии которые переливались на солнце, как шаль из золотого шелка. Глаза сине-зеленые. В зависимости от того, насколько светло было снаружи, от цвета ее платья и окружающей обстановки, они казались то синими, как незабудки, то серо-зелеными, как лесное озеро. Ни у кого раньше он не наблюдал ничего подобного.

И еще ему нравились ее руки – такие изящные, с длинными, тонкими пальцами... Ноги – словно вырезанные из светлого драгоценного дерева кем-то, кто потратил на это уйму времени и сил. Ни малейшего намека на грубость или неуклюжесть. Она была сама грация, само совершенство.

При одной мысли о ней его бросало в пот. Увидев ее, он уже не мог оторвать от нее глаз, и Люси, наверное, это замечала. Когда она шла по улице, он старался встать возле дворовых ворот. Или испытывал на тротуаре недавно отремонтированный велосипед, чтобы иметь предлог находиться снаружи. Он любил ее движения, легкий, пружинящий шаг. Она шагала уверенно, никогда не семенила. Столько силы было во всем, что она делала... Бежала ли, говорила, смеялась – она излучала силу, энергию. И красоту. Такой избыток красоты и совершенства, что он почти не мог в это поверить.

Наверное, здесь была не только одержимость и ненасытность глаз, но и любовь, из которой произрастало все остальное. Любовь стала началом, почвой, на которой расцвела его страсть – не имевшая к Люси никакого отношения. Так или иначе, Люси была вынужденной мерой. Он все еще не мог от нее отказаться из-за угрозы социального коллапса. Жизнь иногда вынуждает нас терпеть неприятные вещи, и с этим ничего нельзя поделать. Он давно это понял.

И все равно бунтовал, снова и снова проваливаясь между вспышками бунта в черную безысходность. Потому что какие у него были шансы? Он не был привлекательным мужчиной и не строил на этот счет никаких иллюзий. Может, когда-то давно, но не теперь. С большим животом, которым был обязан пиву и жирной пище, с дряблым, одутловатым лицом. Ему было сорок восемь, и он мог выглядеть на десять лет старше, особенно если много выпивал на ночь – вредная привычка, отказаться от которой не получалось.

Ему следовало бы заняться спортом, есть больше овощей, пить воду или чай, но – боже мой! – после тридцати лет совсем другой жизни не так легко измениться. Он спрашивал себя, сможет ли этот эльф, сказочное существо тем не менее полюбить его. Несмотря на мешки под глазами, потливость и одышку при малейшей физической нагрузке. В конце концов, под неказистой внешней оболочкой кое-что было. Главное – дать ей возможность это разглядеть.

Он давно понял, что не сможет от нее отказаться. Несмотря на жену, ее ревность и весь риск, на который он шел – сорокавосемилетний толстяк, с телом и душой, охваченными пламенем...

И вся проблема в том, что существо, фея, которой он одержим день и ночь, была намного моложе.

И даже более того – ей исполнилось всего девять лет.

Часть I

Суббота, 31 октября 2009 года

Лайзе удалось незаметно покинуть зал, когда слово взял сын юбиляра. Ему пришлось долго стучать вилкой по бокалу, прежде чем сотня или около того гостей разгадали его намерение. Разговоры и смех, наполнявшие помещение несмолкаемым гулом, стихли, и все взоры обратились к нервозному мужчине, который в этот момент ни о чем как будто так не сожалел, как о своем решении произнести хвалебную речь на этот семидесятипятилетний отцовский день рождения.

Несколько мужчин не удержались от шуток, потому что выступающий то краснел, то бледнел, а потом так запутался, что начинал три раза, прежде чем более или менее освоился со своей ролью. Так или иначе, незадачливый оратор привлек всеобщее внимание.

Момент для бегства был как нельзя более подходящий. Вот уже четверть часа Лайза пробиралась к выходу, и теперь оставалось сделать последние два шага, чтобы оказаться снаружи. Прикрыв за собой тяжелую дверь, она прислонилась к стене и тяжело задышала. Как тихо здесь было... И как прохладно! В переполненном зале стояла невыносимая жара. Причем Лайзе казалось, что никто не страдал от этого так, как она.

Хотя, в общем и целом, вечеринка, можно сказать, удалась. Изысканные костюмы, украшения, парфюм, громкий, непринужденный смех – и сама она посреди всего этого, тем не менее будто отделенная от остальных невидимой стеной. Она машинально улыбалась, отвечала, когда ее спрашивали, кивала или качала головой, потягивая шампанское, и в то же время будто не вполне осознавала происходящее, чувствуя себя подвешенной на веревках марионеткой, кем-то управляемой и совершенно неспособной к самостоятельным действиям. Примерно так она и жила последние несколько лет. Если, конечно, это можно назвать жизнью.

Проходившая мимо сотрудница отеля «Кенсингтон» задержалась, решив, как видно, что прислонившейся к стене женщине нужна помощь. Наверное, Лайза выглядела жалко. Судя по тому, как себя чувствовала, по крайней мере. Она выпрямилась и попыталась улыбнуться.

– Всё в порядке? – спросила сотрудница отеля.

– Да. Просто в зале... душно.

Она кивнула на дверь. Молодая женщина сочувственно посмотрела на нее и пошла дальше. Лайза поняла, что нужно срочно привести себя в порядок.

Туалетная комната, отделанная мраморной плиткой, встретила ее мягким светом и умиротворяющей музыкой, доносившейся из скрытых динамиков. На какое-то мгновение Лайза испугалась, что не одна здесь, но быстро успокоилась. Похоже, в кабинках никого не было. Лайза понимала, что это ненадолго. Сотня гостей праздника плюс постояльцы отеля – ее одиночество грозило оказаться нарушенным в любую секунду. Значит, нужно поторапливаться.

Лайза оперлась на дорожную раковину. Женщина в зеркале показалась ей чужой, но такое случалось и раньше, даже когда Лайза не была так взвинчена, как сейчас. Роскошные светлорусые волосы, которые она тщательно убрала к сегодняшнему вечеру, свисали вдоль висков неопрятными спутанными прядями. Губная помада, как видно, вся осталась на бокале, потому что губы выглядели почти бесцветными. И Лайза вспотела, судя по блестящему носу и размазанной косметике.

Все это она предчувствовала. Поэтому последние двадцать минут и не мечтала ни о чем другом, кроме как выбраться из этого ужасного помещения. Нужно немедленно исправить ситуацию, чтобы потом как-нибудь пережить остаток вечера. Не может же это продолжаться вечно. Часть с шампанским уже практически закончилась. Далее – шведский стол. Что,

конечно, лучше обыкновенного праздничного обеда из пяти перемен, который мог бы растянуться на несколько часов и где гораздо труднее спрятаться, по крайней мере от глаз двух ближайших соседей. Шведский стол предоставляет куда больше возможностей тому, кто желает улизнуть раньше времени.

Лайза поставила сумочку на край мраморной раковины, неуклюже покрутила замком и наконец выудила пудреницу и тюбик тонального крема. Если б еще руки не дрожали так сильно... Не хватало только испачкать платье, что стало бы достойным завершением этого кошмарного вечера.

Пытаясь открыть пудреницу, что ей долго не удавалось, Лайза разрыдалась. Слезы просто полились из глаз, и она ничего не могла с этим поделать. В ужасе снова подняла глаза на свое чужое лицо, теперь уже заплаканное. Это конец. Могла ли она вернуться в зал с красными, опухшими глазами?

Почти в истерике, Лайза рванула целую кипу шелковистых бумажных салфеток из держателя на стене. Но любые попытки унять слезы как будто лишь усугубляли ситуацию – те снова и снова заливали глаза. «Ничего не поделаешь, – подумала Лайза. – Придется вернуться домой».

И, как будто всего этого было недостаточно, позади послышался шум. Ведущая в коридор дверь открылась, и по мраморной плитке зацокали каблуки. Сквозь слезы Лайза разглядела женщину, направлявшуюся к туалетным кабинкам, прижала салфетку к лицу и сделала вид, что сморкается.

Ну же, проходи скорее...

Шаги стихли, и на некоторое время комната погрузилась в тишину. Женщина повернулась и подошла к Лайзе. На вздрагивающие плечи легла теплая рука. Лайза снова подняла глаза к зеркалу и увидела позади своего лица еще одно, обеспокоенное, с застывшим в глазах вопросом. Лайза не знала эту женщину, но, судя по одежде, она тоже была из числа гостей.

– Вам нужна помощь? – обратилась к ней незнакомка. – Не хочу быть навязчивой, но...

Доброта, неподдельное участие в ее голосе – это было свыше того, что могла выдержать в тот момент Лайза. Рука с салфетками бессильно упала. Лайза перестала сопротивляться своей боли, и слезы хлынули потоком.

Воскресенье, 22 ноября

Поздним вечером в воскресенье Карла впервые обратила внимание на необычное поведение лифта. Теперь жить ей оставалось совсем недолго, но воображения Карлы не хватило бы, чтобы представить, что произойдет ближайшей ночью.

Она сидела в своей квартире, несколько удивленная внезапным открытием. Ведь это, похоже, продолжалось уже несколько дней. Лифт поднимался на ее восьмой этаж, останавливался, двери автоматически открывались, но никто не выходил и не входил. Шагов Карла, во всяком случае, не слышала. Она могла поклясться, что их не было.

Ее дом не из тех, что поглощают звуки. Многоэтажка семидесятых годов постройки – довольно унылая коробка с длинными коридорами и множеством квартир внутри. Более-менее просторные из них занимали семьи с детьми, в меньших ютились одиночки, полностью поглощенные работой и почти не бывавшие дома. Хакни – один из беднейших районов Лондона, притом что та его часть, где жила Карла, была далеко не худшей.

Она попыталась вспомнить, когда в первый раз случилось так, что лифт остановился, но из него никто не вышел. Конечно, само по себе это ничего не значит. Когда кто-то нажимает не на ту кнопку и, осознав ошибку, выходит раньше, лифт все равно поднимается на тот этаж, куда его отправили по ошибке, где его двери открываются, и ждет следующего вызова.

Но в последнее время ошибки уж слишком участились. Как давно, с неделю? Может, две? Карла выключила телевизор. Это ток-шоу все равно ее не занимало. Она подошла к входной двери, отперла, открыла. Щелкнула выключателем рядом с дверным звонком, заливая коридор слепящим белым светом. Эти лампы придают коже трупный цвет, кто их вообще здесь установил? Она оглядела длинный коридор – никого и ничего. Двери лифта закрылись.

Может, какой-нибудь шутник? Подросток из этого же дома, взявший в дурную привычку каждый раз жать на восьмой этаж, прежде чем сойдет ниже... Для чего это ему могло быть нужно, оставалось для Карлы непостижимым. Как, впрочем, и многое другое из того, что делают люди.

Одинокая, всеми оставленная, она вот уже пять лет как вышла на пенсию. Когда каждое утро встаешь и завтракаешь в одиночестве, коротаешь день в тесной квартире перед телевизором или за книгой и лишь изредка выходишь на прогулку, а вечером ужинаешь одна и снова пялишься в экран, волей-неволей отклоняешься от социальной нормы. Просто перестаешь понимать людей, чья повседневная жизнь неотделима от работы, коллег, семьи, детей – и всех неприятностей и, конечно, радостей, с ними связанных. Очень может быть, что таким людям Карла казалась куда более странной, чем могла себе это представить.

Она вернулась в квартиру, хлопнула дверью и, прислонившись к ней спиной, глубоко вздохнула. Карла переехала в эту многоэтажку – одну из немногих в Хакни, состоявшем в основном из викторианских, по большей части порядком обветшавших зданий – в надежде на лучшее. Думала, что не будет чувствовать себя такой одинокой в доме, полном людей. Все получилось наоборот. Здесь каждый сам по себе, и соседи, похоже, даже незнакомы друг с другом. Вдобавок много пустых квартир. С некоторых пор на восьмом этаже Карла жила одна.

Она направилась в гостиную, размышляя на ходу, не включить ли телевизор. В итоге не стала, вместо этого налила себе вина. Карла пила его каждый вечер, но взяла за правило не прикасаться к бутылке раньше восьми. До сих пор ей удавалось придерживаться этого распорядка.

Она вздрогнула, когда снаружи лязгнула дверь. Лифт поехал вниз, значит, его кто-то вызвал. Мысль о том, что в доме она не одна, несколько успокоила Карлу. «Может, все-таки стоит подыскать другую квартиру», – подумала она.

Что касалось возможностей переезда, здесь ее свободу ограничивала скромная пенсия. Карла не могла позволить себе многого. И потом, где гарантия, что на новом месте она не будет чувствовать себя еще более одинокой? Очень может быть, что дело здесь не в доме, а в ней самой...

Когда тишина стала невыносимой, Карла схватила телефон и набрала номер дочери. Слишком быстро, чтобы застенчивость или страх могли помешать ее намерению. Собственно, у нее всегда были хорошие отношения с Кирой. Но с тех пор как дочь вышла замуж, а теперь еще и родила ребенка, связь день ото дня становилась все более эфемерной. Молодым людям приходилось устраивать собственную жизнь. Где им было взять силы и время на престарелую мать-неудачницу?

Ее брак распался спустя двадцать восемь лет, Карла сама не могла в это поверить. Муж увяз в долгах, потому что слишком долго жил не по средствам. В итоге сбежал, прежде чем кредиторы успели привлечь его к суду, и в течение многих лет не подавал признаков жизни.

Карла выла от отчаяния. Дочери удалось спастись с тонущего корабля в одном из бесчисленных жилых комплексов Брэнкелла, что в сорока пяти минутах езды к юго-западу от лондонского центра. Математик по образованию, Кира переучилась на финансиста и вышла замуж за человека, чье положение в администрации банка казалось незыблемым. Карла понимала, что должна радоваться за дочь.

Кира ответила после второго сигнала. В ее голосе слышалось напряжение, на заднем плане кричал маленький сын.

– Привет, Кира, это мама. Просто хочу знать, как вы...

– Ой, привет, мам, – Кира, похоже, не особенно обрадовалась звонку. – Всё в порядке. Вот только малышу снова не спится... Совсем меня вымотал.

– Может, у него режутся зубки?

– Угадала. – На некоторое время Кира замолчала, а потом виновато добавила: – Ну а ты как?

На какую-то долю секунды Карла подумала, что пора наконец открыть правду. Что ей плохо, что она совершенно одна. Но Карла знала, что дочь не хочет этого слышать. Что ей хватает и без того, и единственная возможная реакция на жалобу – раздражение.

– А... ну... Похоже, я слишком много провожу времени в одиночестве... – Ну, вот она почти сказала. – С тех пор как вышла на пенсию, я имею в виду...

Развивать тему не имело смысла. Все равно это ничего не изменит.

Кира вздохнула.

– Так найди себе какое-нибудь дело. Хобби – хотя бы ради общения. Ну, курсы кулинарии или спорт... главное, чтобы там были люди.

– Что-нибудь вроде гимнастики для старух?

Кира опять вздохнула, на этот раз не без раздражения.

– Совсем необязательно. Боже мой, сейчас столько всего... Ты обязательно найдешь занятие по душе.

Тут Карла чуть не призналась дочери, что некоторое время тому назад и сама посещала что-то вроде группы поддержки для одиноких женщин, но и там не смогла завязать более-менее прочных дружеских отношений с ровесницами. Наверное, потому, что слишком много ныла. Кому это надо? В общем, Кире лучше не знать об этом проекте.

– Я думаю, что так будет только хуже, – ответила Карла. – Разве нормальные люди плавают в бассейне среди бела дня или готовят, только потому что им больше нечем заняться? Я сразу почувствую себя неполноценным членом общества, у которого нет ни семьи, ни работы. А когда вернусь домой, все равно там меня никто не будет ждать.

– Зато обязательно познакомишься с приятными женщинами, с которыми иногда можно будет общаться...

– И у которых тоже не будет времени на меня, потому что у всех семьи...

– Да, конечно. Ты единственная разведенная пенсионерка во всей Англии, – нетерпеливо перебила Кира. – Так и будешь хандрить перед телевизором до конца жизни?

– И раздражать своими жалобами дочь...

– Этого я не говорила.

– Дом, вот что меня угнетает, – продолжала Карла. – Здесь никому ни до кого нет дела. Лифт останавливается на моем этаже, но из него никто не выходит...

– Как так?

Карла уже пожалела о сказанном.

– Ну да, я только сейчас заметила... что это повторяется слишком часто, я имею в виду. Здесь ведь никто не живет, кроме меня. Тем не менее лифт поднимается на восьмой этаж.

– Значит, кто-то отправляет его наверх. Или система так устроена, что он автоматически проходит все этажи.

– Но это началось неделю или две тому назад...

– Мама!

– Да, я знаю, что иногда веду себя странно. Но пусть тебя это не беспокоит. В конце концов, до сих пор я справлялась.

– Ну конечно... Мама, малыш сейчас надорвется.

– Всё, заканчиваем. Было бы неплохо, если б вы когда-нибудь навестили меня с малышом. Может, на выходных?

– Посмотрим, – уклончиво ответила Кира.

После чего быстро попрощалась, оставив мать наедине с неприятным чувством.

«Она моя дочь, – успокаивала себя Карла. – И для меня нормально рассчитывать на ее поддержку, когда дела идут не лучшим образом».

Она взглянула на наручные часы – начало одиннадцатого. И все-таки решила лечь. Может, почитать перед сном немного? Она надеялась, что уснет быстро. Карла уже собиралась в ванную чистить зубы, когда опять услышала лифт. Он поднимался. Карла встала в прихожей, прислушалась. «Хорошо было бы все-таки, если б здесь кто-то жил, кроме меня», – подумала она. Лифт остановился, двери открылись. Карла ждала, и на этот раз кое-что действительно произошло. Шаги – она слышала их достаточно отчетливо. Шаги снаружи, в ярко освещенном коридоре. Карла сухо сглотнула, ощутив покалывание на коже. Главное – не сходить с ума. До сих пор ее пугало, что из лифта никто не выходил, теперь пугает обратное...

Шаги приближались. «Это ко мне, – подумала Карла. – Кто-то идет ко мне». Словно парализованная, она застыла перед входной дверью. Там, снаружи, кто-то был.

Звонок прозвучал как крик петуха на рассвете. «Грабители не звонят», – подумала Карла. Тем не менее посмотрела в глазок. Помедлила несколько секунд. Потом открыла.

Среда, 2 декабря

1

Джиллиан вернулась на кухню.

– Это мама Дарси, – объяснила она. – Дарси сегодня не пойдет в школу, у нее болит горло.

Но звонок телефона не пробудил Бекки от апатии, с которой она склонилась над тарелкой с мюсли. Дочь все так же угрюмо смотрела на хлопья и фрукты, залитые молоком.

«Ей только двенадцать, – подумала Джиллиан, – а она уже вялая и равнодушная, как подросток на пике полового созревания. Неужели и мы в свое время были такими?»

– Хмм... – неопределенно отреагировала Бекки.

Рядом с ней на стуле сидел Чак, черный кот. Они нашли его полумертвым от голода на обочине дороги во время отпуска в Греции и тайком пронесли в отель. Оставшуюся часть отпуска только и думали о том, как бы незаметно вынести Чака из отеля к ветеринару, а потом вернуть в номер. Ветеринара навещали каждый день. Джиллиан и Бекки часами выкармливали Чака питательным раствором из пипетки, и все равно ничто не внушало надежды, что он выживет. Бекки плакала. Но, несмотря на безысходность и трудности, общая забота сблизила мать и дочь. В конце концов кошачья воля к жизни победила, и Чак уехал в Англию с новой семьей.

Джиллиан села на стул напротив дочери. Теперь ей нужно отвезти Бекки в школу. Вместе с мамой Дарси они организовали что-то вроде совместной транспортной компании, где работали посменно, и на этой неделе была очередь мамы Дарси. Но, конечно, не в тот день, когда ее дочь остается дома по болезни.

– Есть еще одна интересная новость, – продолжала Джиллиан. – Сегодня ты пишешь контрольную по математике.

– Может быть.

– Не «может быть», а точно. У тебя контрольная, а я только сейчас узнаю об этом...

Бекки пожала плечами. На верхней губе у нее остались «усы» от какао. Она носила черные джинсы, настолько тесные, что Джиллиан удивлялась, как Бекки удастся влезть в них. Кроме них, черный обтягивающий пуловер и такого же цвета шарф, несколько раз обернутый вокруг шеи. Бекки делала все возможное, чтобы выглядеть круто, но с «усами» от какао больше походила на маленькую девочку в странном маскарадном костюме.

– Почему ты мне ничего не сказала? Я каждый день спрашивала, когда у вас контрольная, и ты отвечала, что пока ничего такого не намечается. Как же так?

Бекки снова пожала плечами.

– Как так получилось? – настаивала Джиллиан.

– Не знаю, – пробормотала Бекки.

– Чего ты не знаешь?

– Почему я тебе ничего не сказала.

– Ты просто не хотела готовиться, вот и всё, – сделала вывод Джиллиан.

Бекки остановила на матери злобный взгляд.

«Что я делаю не так? – спрашивала себя Джиллиан. – Что я делаю не так, если она смотрит на меня с такой ненавистью? Почему мать Дарси знала, и остальные матери, наверное, тоже?»

– Иди чистить зубы, – велела она. – И поторапливайся, нам пора.

По дороге в школу Бекки не проронила ни слова, только смотрела в окно. У Джиллиан чесался язык спросить, как дочь вообще собирается писать эту контрольную, имеет ли она хоть

малейшее представление о материале? Но Джиллиан молчала, потому что боялась очередной дерзости. Между тем на глаза у нее наворачивались слезы.

В последнее время такое случалось все чаще, и Джиллиан не знала, что с этим делать. Медленно, но верно она мутировала в плаксу, которая худо-бедно противостоит жизненным трудностям, но до смерти боится провокационного поведения двенадцатилетней девчонки. Может ли женщина сорока двух лет до такой степени утратить контроль над собой?

Возле школы Бекки холодно распрощалась и зашагала через улицу на своих тощих ногах. Длинные волосы развевались на ветру. Рюкзак («Кто сейчас носит ранцы, мам?») хлопал по спине. Она так ни разу и не обернулась. А ведь было время, когда посылала воздушные поцелуи и улыбалась всем лицом. Как Бекки могла так перемениться за какие-нибудь несколько лет?

Ну, допустим, сегодня утром Джиллиан вынудила ее обороняться. Бекки понимала, что контрольная по математике дело серьезное и было ошибкой с ее стороны манкировать подготовкой. Ей нужно было что-то делать с этой злобой на себя. Джиллиан мучилась вопросом, все ли они сейчас такие? Безжалостные. Бесчувственные. Агрессивные.

Она завела машину, но остановилась за ближайшим перекрестком на обочине. Открыла окно и закурила. Во дворах на траве лежал снег. Вдалеке свинцовой лентой блестела река Темза, которая в этих местах особенно широкая и подчиняется ритму приливов и отливов в своем стремлении к морю. Ветер пах водорослями, кричали чайки. Холодное, неприветливое утро.

Она уже говорила об этом с Томом. Два года прошло с тех пор, как они вдвоем пытались выяснить, в чем Джиллиан оплошала как мать и таковы ли и другие дети. У Тома не было ответов на эти вопросы.

– Если б ты только чуть больше общалась с другими матерями, – сказал он, – тогда бы лучше понимала, что делаешь не так. Возможно, ты даже знаешь, как нужно, но по каким-то непонятным причинам отказываешься налаживать контакт.

– Я не отказываюсь. У меня действительно не получается общаться с другими матерями.

– Это обыкновенные женщины, и они не сделали тебе ничего плохого.

Конечно, Том прав. Но дело было не в этом.

– Они ведь тоже меня не принимают. И каждый раз почему-то получается... будто мы говорим на разных языках. Любая моя мысль истолковывается превратно. И совершенно не вяжется с тем, что говорят они.

Джиллиан прекрасно понимала, как это прозвучало для Тома, конченного рационалиста, – бред, полная ерунда.

– Чушь! – воскликнул он. – Это все твое воображение. Ты же умная женщина. Привлекательная, успешная. И у тебя довольно симпатичный муж, тоже не совсем неудачник. Наконец, здоровый, яркий, красивый ребенок. Откуда эти комплексы?

Разве у нее есть комплексы?

В задумчивости Джиллиан стряхнула пепел с сигареты в окно машины.

В самом деле, какие у нее были причины комплексовать? Пятнадцать лет тому назад они с Томом основали в Лондоне фирму – налоговое и финансовое консультирование. Оба выкладывались по полной, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, и это принесло плоды. Сейчас у них работали шестнадцать человек. И Том не упускал случая лишний раз напомнить, что ничего не добился бы, если б не Джиллиан.

С тех пор как родилась Бекки, Джиллиан перестала появляться в офисе каждый день, но всегда вела своих клиентов. Ради них ездила на электричке в Лондон три-четыре раза в неделю. Пользовалась возможностью самой планировать свой день. Когда была нужна Бекки, просто оставалась дома и наверстывала упущенное по работе в выходные. Все шло хорошо. Джиллиан не на что было жаловаться.

В зеркальце заднего вида мелькнули темно-синие глаза под рыжей челкой. С длинными, вечно растрепанными волосами, Джиллиан плохо вписывалась в стандартный образ деловой женщины и слишком хорошо помнила, сколько неприятностей принесла ей в детстве рыжая грива, плюс неизменное приложение к ней – веснушки. Потом Джиллиан поступила в университет, где познакомилась с Томасом Уордом, который стал не только ее первым парнем, но и единственной любовью, главным мужчиной жизни. Он восхищался ее волосами, а после того как пересчитал все до одной веснушки, Джиллиан и сама начала ценить особенности своей внешности и перестала стесняться. «Об этом ты тоже должна помнить, – говорила она себе. – Обо всем хорошем, что Том привнес в твою жизнь. Ты замужем за прекрасным человеком».

Джиллиан докурила сигарету, и тут ей пришла мысль съездить в лондонский офис. Работы накопилось, а она – лучшее средство против навязчивых мыслей, это Джиллиан знала из собственного опыта. Она решила заглянуть домой и выпить последнюю чашку кофе, прежде чем отправиться на вокзал.

Джиллиан завела машину. Может, стоит еще разок встретиться с Тарой Кейн... Подруга работала в Лондоне прокурором и была, по словам Тома, которому не особенно нравилась, радикальной феминисткой. Последний раз Тара так прямо и сказала Джиллиан, что та на пороге глубокой депрессии. Возможно, она была права.

2

Самсон долго прислушивался, и лишь убедившись, что внизу никого нет, прошмыгнул по лестнице в одних носках. Он хотел быстро обуть ботинки и куртку и незаметно выскользнуть за дверь, но не успел завязать шнурки, как кухонная дверь приоткрылась, и появилась его невестка Милли. То, как она к нему приближалась, напомнило Самсону выслеживающую добычу хищную птицу.

Он выпрямился.

– Здравствуй, Милли.

Милли Сигал была из тех женщин, кто, еще не перешагнув сорокалетний рубеж, навлекает на себя сомнительные комплименты вроде: «А ведь когда-то наверняка была хорошенькой...» Блондинка с безупречной фигурой, она была злостной курильщицей и слишком любила загорать, из-за чего ее лицо с правильными чертами испещряли бесчисленные морщинки и трещинки, которые не только старили Милли, но и придавали ей изможденный, озлобленный вид.

Последнее, впрочем, объяснялось не только нездоровым образом жизни. Милли действительно была вечно всем недовольна. Самсон говорил об этом с братом, и тот объяснил ему, что Милли живет в неколебимом убеждении, что она обижена судьбой. И дело не в том, что с ней когда-то приключилось что-то трагическое, но в совокупности ежедневных мелких несправедливостей и разочарований. Всякий раз, когда Гэвин, муж Милли, спрашивал, что именно делает ее жизнь такой невыносимой, она отвечала: «Всё. Всё вместе».

Часть этого «всего вместе» составлял Самсон, и сам это прекрасно понимал.

– Мне слышалось, ты куда-то собираешься...

Она не была одета. Когда Милли не особенно спешила на работу, надевала спортивный костюм и готовила мужу завтрак. Гэвин работал водителем автобуса. Иногда ему приходилось вставать в пять утра. Милли варила ему кофе, жарила яичницу с беконом и подсушивала в тостере хлеб для сэндвичей, которые Гэвин брал с собой. Она вела себя как заботливая супруга, но Самсон очень сомневался, что за этим стояли искренние чувства.

Гэвин, которому приходилось выслушивать ее бесконечные жалобы и упреки, платил за эти завтраки слишком высокую цену. Во всяком случае, он немного потерял бы, если б в эти

ранние часы оставался на кухне один – с чашкой кофе, тостами, домашним джемом и утренней газетой.

– Мне нужно идти, – ответил Самсон, застегивая куртку.

– Что-то насчет работы?

– Пока нет.

– Ты хоть пытаешься?

– Конечно. Но времена сейчас тяжелые.

– На этой неделе ты ничего не дал на хозяйство, а я как раз собиралась в магазин...

Самсон вытащил из кармана бумажник и протянул ей купюру.

– Этого хватит?

Милли замялась, но деньги взяла.

– Все лучше, чем ничего.

«Что ей нужно? – спросил себя Самсон. – Она ведь остановила меня не только из-за денег».

Он вопросительно посмотрел на невестку.

– Гэвин вернется в полдень. Обедаем в два. Я сегодня работаю в вечернюю смену.

– Я не приду к обеду.

Она пожала плечами:

– Просто чтобы ты знал.

Поскольку больше Милли сказать было нечего, Самсон коротко кивнул, открыл входную дверь и вышел в холодный день.

Каждое столкновение с Милли вселяло в него нервозность, неуверенность и робость. В ее присутствии становилось трудно дышать. За дверью у Самсона словно гора с плеч свалилась.

Как-то раз ему довелось подслушать разговор брата и Милли, из которого он узнал самое сокровенное желание невестки – чтобы Самсон как можно скорее съехал куда-нибудь, оставив дом в их с Гэвином полном распоряжении. После этого Самсон стал воспринимать ее иначе. Ведь в его присутствии Милли никогда не строила никаких намеков, ничем не давала Самсону понять, что он здесь лишний. Кроме того, до того он не подозревал, какое давление оказывает она на брата.

– Я хотела нормальную семью, – прошипела Милли, – а что получилось? Какое-то общежитие.

– Не говори так, – отвечал Гэвин тоном человека, слишком много раз имевшего дело с набившей оскомину темой. – Он мой брат, а не квартирант.

– Если бы! Тогда, по крайней мере, мы бы имели с него деньги. А так...

– Это ведь и его дом, Милли. Мы оба унаследовали его от родителей. У Самсона здесь не меньше прав, чем у меня.

– При чем здесь права, я о другом...

– О чем же?

– О воспитанности. Чувстве такта, наконец. Мы с тобой – супружеская пара, когда-нибудь у нас будут дети. Самая настоящая семья. Он – пятое колесо в телеге. Любому на его месте было бы ясно, что он мешает и должен подыскать себе другое жилье.

– Но мы не можем этого от него требовать. Я должен буду выплатить Самсону стоимость его доли, чего сделать не могу, либо компенсировать арендную плату, хотя бы на первое время... Боже мой, Милли, ты ведь знаешь, сколько я зарабатываю. Этот вариант точно не для нас.

– Как брат, он не должен брать с тебя денег.

– Но ему ведь придется платить за съемное жилье. Он безработный. Как ты вообще себе это представляешь?

– Тогда давай съедем мы.

– Ты действительно этого хочешь? А как же дом с садом? Ничего не имею против квартиры, но ты уверена?

Самсон вспотел, подслушивая этот разговор за дверью. Конечно, Милли не нужна никакая квартира. Престиж для нее превыше всего. Ради этого она смирится и с нелюбимым девярем.

Родители Милли – люди скромного достатка. Брак с владельцем особняка – самое большое достижение в ее жизни, даже если речь идет об узком типовом доме на оживленной улице. Ей так нравится приглашать в гости подруг, хвалиться садом, за которым она действительно тщательно ухаживает... Нет, Милли не съедет. Это должен сделать он, Самсон.

На последний вопрос мужа Милли не ответила, но ее молчание было достаточно красноречивым.

Самсон стряхнул с себя воспоминания о неприятном разговоре и пошел по улице. Обычно он выстраивал маршруты прогулок по определенной системе, привязанной к строгому расписанию, от которого уже отклонился на пять минут, потому что слишком долго не решался спуститься в прихожую, а потом был остановлен Милли.

Работу водителя по доставке на дом замороженных продуктов Самсон потерял еще в июне. Замороженные продукты стали дороги, и клиенты сбавили обороты. В результате фирма пошла на сокращение штатов. Самсон, которого взяли на работу последним, оказался в числе первых жертв, что было ожидаемо.

Он шагал бодро. Дом, который они с Гэвином унаследовали от родителей, стоял в самом конце улицы, впадавшей в этом месте в еще более шумный и менее шикарный переулок с узкогрудыми домами и вытянутыми, как полотенце, садами. Та же улица на другом конце, упиравшемся в гольф-клуб, являла совсем иную картину – просторные особняки с башенками и эркерами, большие участки земли с высокими деревьями за подстриженными живыми изгородями, коваными чугунными оградами или приземистыми каменными заборами. Импозантные автомобили на подъездных дорожках и разлитое в воздухе сонное, нерушимое спокойствие.

Саутенд-он-Си располагался в сорока милях к востоку от Лондона и простирался вдоль левого берега Темзы до того места, где она впадала в Северное море. Здесь было все необходимое для нормальной жизни – магазины и школы, детские сады и кинотеатры, обязательный парк аттракционов, протянувшийся вдоль побережья, песчаные пляжи, клубы парусного спорта и серфинга, пабы и дорогие рестораны.

Многие семьи, для которых Лондон оказался слишком дорог или пожелавшие воспитывать детей в более здоровой среде, нежели та, которую может предложить современный мегаполис, переехали сюда. Саутенд состоял из нескольких округов, в числе которых был и Торп-Бэй, где жил Самсон. Торп-Бэй, в свою очередь, состоял по большей части из широких, слегка волнистых лужаек и теннисных кортов, располагавшихся сразу за городом и отделенных от него только дорогой. Это была настоящая приморская идиллия – зеленые улицы, любовно ухоженные сады и уютные дома. Ветер с реки нес запах соли и водорослей. Самсон вырос здесь и не представлял, как мог бы жить где-то в другом месте.

Незадолго до Торп-Холл-авеню он повстречал молодую женщину с большой беспородной собакой. Они гуляли здесь каждое утро, но на этот раз уже возвращались домой. Самсон часто следовал за этой женщиной до самого ее дома и достаточно уверенно представлял себе обстоятельства ее жизни. Ни мужа, ни детей. Была ли она разведена или никогда не имела своей семьи, этого Самсон сказать не мог. Но жила она в маленьком двухквартирном доме с большим садом. Работала, очевидно, из дома, потому что никуда не выходила, кроме как в магазин или гулять с собакой. Часто получала пакеты через различные курьерские службы. Возможно, ее деятельность была связана с литературой. Женщина писала рецензии или редактировала рукописи для издательства.

Время от времени она уезжала на несколько дней, и тогда собаку выгуливала ее подруга. Как видно, иногда и фрилансерам приходится навещать работодателя.

Чуть дальше пожилая дама подметала тротуар перед домом. Ее часто можно было видеть на улице, и сегодня она убирала последние листочки, напавшие с дерева за забором в ее дворе. Похоже, уборка давно стала для нее ритуалом, который дама соблюдала, даже когда мести, с точки зрения постороннего человека, было нечего.

Самсон знал, что она не замужем. Даже менее внимательному наблюдателю было понятно, что не ради листьев женщина старается как можно дольше задержаться на улице. К ней никто не ходил – ни друзей, ни знакомых. Если и были дети, они о ней не заботились.

– Доброе утро, – беззвучно прошептала старушка.

– Доброе утро, – пробормотал в ответ Самсон.

Он взял за правило не вступать в контакт с людьми, за которыми наблюдал, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Но мимо этой женщины не мог пройти, не поздоровавшись. Кроме того, подозрительный молчун имел бы еще больше шансов остаться у нее в памяти. Так она по крайней мере не будет думать о нем плохо.

Наконец Самсон добрался до домов, выходящих окнами на парк, особенно красивый и тенистый летом. Один из домов принадлежал семье Уорд. Самсон знал об Уордах больше, чем о ком-либо из их соседей. Когда после смерти родителей возникли проблемы с налогом на имущество, Гэвин заручился поддержкой Томаса Уорда. Уорд с женой занимались юридическим и финансовым консультированием, держали офис в Лондоне и помогли вконец отчаявшемуся Гэвину на таких щадящих условиях, что он до сих пор не позволял себе ни одного недружелюбного слова в их адрес. Хотя в целом Томас Уорд являл собой тот тип, который одинаково не нравился обоим братьям – слишком большая машина, костюмы из тонкого твида, неброские, но явно очень дорогие галстуки.

– Никогда не суди о людях по внешнему виду, – так говорил Гэвин, когда речь заходила об Уордах. – С ними всё в порядке.

Самсон знал, что Джиллиан Уорд не каждый день ездит в лондонский офис, причем так и не смог обнаружить в ее графике какой-либо регулярности. Похоже, ее не было. Зато была двенадцатилетняя дочь Бекки, о которой нужно заботиться и которая часто казалась Самсону замкнутой и дерзкой. Похоже, матери приходилось с ней нелегко.

Самсон был поражен, увидев, как машина Джиллиан повернула к гаражу. Это и в самом деле было странно. Самсон заметил, что Джиллиан и другая женщина – очевидно, мама одноклассницы Бекки – по очереди отвозят обеих девочек в школу. И на этой неделе была точно очередь не Джиллиан. Может, она ездила не в школу, а в другое место, но куда? Что за дела могут быть у нее в столь ранний час?

Самсон остановился. Уж не собирается ли она в офис? На машине до железнодорожного вокзала, «Торп-Бэй» или «Саутенд Централ», далее на поезде до лондонского вокзала «Фенчерч-стрит». Самсон прекрасно представлял себе все ее маршруты.

Он проследил, как она исчезла в доме. В прихожей зажегся свет. Поскольку в красивой, покрытой красным лаком двери Уордов имелось ромбовидное окошко, с улицы можно было заглянуть в прихожую и на кухню напротив. Как-то раз Самсон наблюдал, как Джиллиан, после того как семья позавтракала, вернулась за кухонный стол, налила себе чашку кофе и выпила ее медленными глотками. Забытая газета лежала рядом. Джиллиан смотрела в противоположную стену.

Тогда Самсон впервые подумал о том, что она несчастна. Эта мысль причинила ему боль, потому что Самсон очень симпатизировал Уордам. Джиллиан совершенно не соответствовала тому типу женщин, которых принято жалеть, и Самсона самого удивила и обеспокоила его участливость.

Уорды – идеальная семья. К такому выводу он пришел, когда однажды вечером застал их всех за барбекю на внутреннем дворе. Их совершенство притягивало почти магической силой. Респектабельный отец. Очаровательная, интеллигентная мать. Симпатичный, живой ребенок. Милый черный кот. Красивый дом с ухоженным садом. Два автомобиля. Ни богатства, ни излишней роскоши, уверенный в себе средний класс – мир, который всегда прав. О такой жизни Самсон всегда мечтал и находил утешение в том, чтобы наблюдать ее со стороны, раз уж ему не суждено быть ее частью.

Он подошел к садовой калитке и попытался заглянуть на кухню. Джиллиан стояла, прислонившись к столу. Держала в руках толстую керамическую кружку и пила, как всегда, в задумчивости, маленькими глотками. О чем она думала на этот раз? Джиллиан казалась погруженной в свои мысли.

Самсон не мог позволить себе подолгу задерживаться на одном месте, тем более посреди улицы. Но ему очень хотелось знать, чем так взволнована Джиллиан Уорд, хотя бы ради того, чтобы успокоиться самому. Вряд ли это связано с мужем или ребенком. Может, мать или отец Джиллиан больны? Скорее всего, что-то в этом роде.

Самсон быстро зашагал по Торп-Холл-авеню, мимо парков, теннисных кортов и Торп-Бэй-Гарден, пересек Торп-Эспланаду, где уже успокаивалось лихорадочное утреннее движение, и оказался на побережье, по-зимнему холодном и пустынном. Куда ни глянь – ни души.

Самсон глубоко вздохнул. Он чувствовал себя измотанным, как после долгого рабочего дня, и знал почему. Он видел Джиллиан Уорд, чуть не столкнулся с ней нос к носу, и это обстоятельство, к которому он оказался не готов, вызвало столь сильное эмоциональное напряжение, что Самсон опрометью бросился к морю – в вечную тишину, где только и мог восстановить душевное равновесие.

Самсон наблюдал за столькими людьми... Запоминал их распорядок дня, привычки, вникал в условия жизни. Он и сам не смог бы объяснить, чем так увлекало его это занятие. Но оно затягивало, будто трясина, из которой уже невозможно было выбраться самостоятельно.

Он читал о компьютерных фанатах, создающих параллельный мир в «Секонд лайф»¹. Похоже, Самсон занимался примерно тем же, что и эти люди. Жизнь, отдельная от его фактического существования. Чужие судьбы, о которых можно грезить. Роли, которые можно примерять на себя.

Ничто не мешало Самсону вообразить себя респектабельным Томасом Уордом, с красивым, просторным домом и дорогой машиной. Перевоплотиться в крутого парня, который не станет краснеть и заикаться перед симпатичной женщиной с собакой, уверенно пригласит ее на свидание и, конечно, получит согласие.

Мечты хоть как-то скрашивали серую повседневность. Возможно, они были не так безобидны. Самсон несколько не сомневался, что психолог подобрал бы множество заумных названий для его увлечения, без которого жизнь Самсона вылилась бы в сплошную тоску.

И все-таки в последнее время кое-что изменилось, и это внушало беспокойство.

Он пошел вдоль берега. Здесь было ветренее, чем в городе, и Самсон быстро продрог. Перчатки он забыл дома, поэтому приходилось дуть на руки, чтобы хоть чуть согреть окоченевшие пальцы. Разумеется, Самсон и не думал уклоняться от намеченного маршрута. Каждый вечер в его компьютере появлялась запись об увиденном и пережитом во время очередной прогулки. Этот дневник всегда много для него значил. Лишь в последнее время Самсон стал замечать, что ведет его не с такой увлеченностью, как раньше. И виноваты в этом были Уорды, прежде всего Джиллиан.

¹ «Секонд лайф» (англ. Second Life) – трехмерный виртуальный мир с элементами социальной сети. Проект запущен в 2003 году и насчитывает около 1 млн активных пользователей.

Самсон почти сроднился с этим семейством. Уорды были главными героями его фантазий, и не было ничего, чего бы он не знал о них и не захотел бы пережить вместе с ними. Наверное, такой исход был закономерен. Интерес к жизни других людей, одно время достигший стадии одержимости, шел на убыль. Но это почему-то пугало Самсона. Только теперь он понял, почему с самого начала старался как можно более расширить круг объектов наблюдения: чтобы ни один из них не выделялся из общей массы. Чтобы Самсон мог участвовать в чужой жизни, не теряясь в ней. И в этом отношении Джиллиан Уорд представляла угрозу.

Ветер с северо-востока и вправду был очень холодным. Сейчас не то время, чтобы коротать дни на побережье. Летом Самсон мог с утра до вечера бродить по улицам и находил в этом спасение от гнетущей домашней атмосферы. Но зима есть зима. Одно хорошо: рано темнеет, и уже с пяти вечера можно заглядывать в ярко освещенные окна домов.

Однако сейчас Самсон, похоже, отморозил себе все, что только можно. Он принялся завету, как животное, и ему показалось, что воздух пахнет снегом. Снег на юго-востоке Англии не частное явление, но в этом году их, похоже, ожидает настоящее белое Рождество. Самсон готов спорить на что угодно. Хотя к тому времени, конечно, многое может измениться...

Остаться здесь и дальше было невозможно. Самсон покинул холодный пляж и, проходя мимо киоска на набережной, остановился. Похоже, сегодня утром он вручил жадной Молли всю свою наличность. В карманах с трудом набралось два пенса на кофе.

Горячая чашка приятно покалывала ладони. Самсон укрылся от ветра за дощатой будкой киоска, оказавшись лицом к лицу с ежедневными газетами. Пробежал глазами заголовки. Взгляд уцепился за передовицу «Дейли мейл»: «Чудовищное убийство в Лондоне».

Самсон напряг зрение, пытаясь ухватить суть. Пожилая женщина убита с изощренной жестокостью в высотном доме в Хакни. Тело около десяти дней пролежало в квартире, прежде чем его обнаружила дочь убитой. Никаких указаний на мотив преступления на сегодняшний день не имеется.

– Плохи дела, – подал голос продавец из киоска. – Я имею в виду, если человек десять дней как мертв и никто ничего не заметил. Что с нами стало, а?

Самсон пробормотал что-то, соглашаясь.

– Куда катится этот мир... – подхватил продавец.

– Вы правы.

Самсон вздохнул и допил кофе. Сдачи хватило на «Дейли мейл». Он взял газету и побрел дальше.

3

По крайней мере, ее перестало трясти.

Питер Филдер, инспектор штаб-квартиры английского полицейского ведомства, более известной как Скотланд-Ярд, совсем не был уверен в том, что свидетельница вообще вменяема. Но время было дорого. Судя по всему, мертвая Карла Робертс пролежала в своей квартире больше недели, прежде чем дочь ее обнаружила, что уже дало убийце хорошую фору. Нужно действовать, даже если до сих пор молодая женщина только дрожала как осиновый лист, прижимая к себе ребенка, и заплакала, как только сотрудница полиции попыталась взять его на руки.

Вчера вечером патрульная машина отвезла Киру Джонс в больницу, где она приняла лекарства и осталась на ночь. Утром ее вернули домой, в Брэкнелл. Сопровождавшие свидетельницу полицейские сообщили по мобильному, что Кире Джонс полегчало. И вот сейчас инспектор пьет минеральную воду в уютно обставленной, теплой гостиной, а напротив сидит Кира Джонс, белая как мел и все-таки более спокойная, чем вчера.

Ее муж Грег Джонс тоже здесь. Накануне появления Филдера он покормил и уложил спать ребенка и теперь стоял у окна, скрестив на груди руки, выражая тем самым скорее желание защититься от инспектора, нежели принять его защиту. Очевидно, Грег Джонс был потрясен случившимся, но из последних сил старался оставаться спокойным и сосредоточенным.

– Миссис Джонс, – осторожно начал Филдер. – Понимаю, что это для вас нелегко, и мне очень неловко беспокоить вас в такой час, но, к сожалению, у нас мало времени. По предварительной оценке судмедэксперта, ваша мать пролежала мертвой около десяти дней, то есть была обнаружена довольно поздно...

Кира прикрыла глаза и кивнула.

– У нас маленький сын, инспектор, и сейчас он тоже переживает тяжелый период, – ответил за нее Грег Джонс. – Последние месяцы моя жена выбивается из сил. Я целый день на работе и мало чем могу ей помочь. Теща жаловалась на недостаток внимания со стороны Киры, и я...

– Грег, – вымученно прошептала Кира, – она не просто так жаловалась. Я действительно бросила ее.

– Бога ради, Кира. Я много работаю. У нас маленький сын. Ты не могла постоянно ездить в Хакни и утешать ее.

– Я могла бы звонить ей почаще...

– Когда вы звонили ей последний раз? – перебил Киру Филдер. – Или так: когда вы в последний раз общались с матерью в какой бы то ни было форме?

На какой-то момент Кира задумалась.

– Это было... ах, ну да, в позапрошлом воскресенье! То есть больше недели тому назад. Она позвонила мне поздно вечером, что-то около десяти.

– И после этого вы с ней не разговаривали?

– Нет.

Филдер быстро подсчитал:

– В воскресенье, стало быть, двадцать второго ноября. Сегодня второе декабря. То есть, по всей видимости, ваша мать позвонила вам незадолго до того, как подверглась нападению.

– Незадолго до того, как была убита, – шепотом поправила Кира.

Филдер кивнул:

– Совершенно верно.

– Это ужасно, – сказал Грег Джонс, – действительно ужасно. Но кто мог знать...

Филдер посмотрел в окно. Чистый, ухоженный дворик с качелями, песочницей и детской горкой. И все такое красивое, веселое, с любовью сооруженное отцом для подрастающего сына... С Джонсами, похоже, всё в порядке. Ни Кира, ни Грег не оставляют впечатления бессердечных эгоистов. Просто так сошлось. У него работа, она с ребенком, а путь до Хакни неблизкий и трудный, особенно с малышом. Карла Робертс, похоже, умела нажать на больное место, взывала к совести дочери, но Кира так и не придумала способа интегрировать престарелую мать в свою жизнь. Что ж, так оно во многих семьях.

– Ваша мать была разведена? – задал следующий вопрос Филдер.

Кира уже говорила об этом во время беглого допроса на месте преступления, но инспектору хотелось знать подробности.

– Да, – ответила Кира. – Десять лет, как разведена.

– Вы поддерживаете связь с отцом? Ваша мать с ним контактировала?

– Нет, – Кира покачала головой. – Мы даже не знаем, где он сейчас. Он занимался стройматериалами, возглавлял свою фирму. Мы жили в достатке и думали, что все хорошо. Но потом оказалось, что отец по уши в долгах. Сразу все рухнуло, и он как будто сбежал за границу от кредиторов.

– Но ведь ваши родители развелись раньше?

– Все правильно. Когда банкротство стало очевидным фактом, открылся его роман с одной молодой сотрудницей, и мама сразу подала на развод.

– То есть вы не уверены в том, что ваш отец сейчас не в Англии?

– Нет. Это не более чем наше предположение.

– И при этом утверждаете, что он не поддерживал контакт с вашей матерью?

– Да. Иначе она рассказала бы мне об этом.

Филдер сделал пометку.

– Мы попробуем разыскать вашего отца. Может, знаете имя или адрес его тогдашней возлюбленной?

Кира покачала головой.

– Кларисса, кажется... Фамилии не помню. В то время я уже не жила с родителями, училась в Суонси. Честно говоря, не особенно вникала в детали этой истории... – Тут Кира Джонс снова ударилась в слезы. – Мама часто звонила мне. Она была в отчаянии, ее жизнь рухнула как карточный домик. Мой отец изменял ей с другой женщиной, а потом вдруг не стало денег и дом конфисковали. Ей пришлось очень тяжело, а я отмахнулась... Не хотела иметь ничего общего со всем этим... – И Кира разрыдалась еще сильнее.

Грег подошел и неловким движением погладил ее по волосам.

– Успокойся... Не вини себя так. Ты училась в колледже, у тебя была своя жизнь... Да и чем бы ты могла ей помочь?

– Я должна была быть рядом с ней. Тогда и сейчас. Она больше недели пролежала мертвая в своей квартире, а мы ничего не заметили... Этому нет оправдания.

В этот момент заплакал ребенок, и Грег с явным облегчением на лице покинул комнату.

«Они на пределе, – подумал Филдер. – Но это неудивительно. То, что случилось, слишком ужасно. Джонсы никогда не оправятся от этого».

Кира потянулась за сумочкой, достала бумажный платок, высморкалась.

– Он никогда особенно не стремился поддерживать с ней связь, – кивнула она вслед Грегу. – Слишком много работы, отдых только на выходные. Видите ли, моя мать была довольно тяжелым человеком. Слишком много ныла – из-за развода, банкротства и так далее... Общение с ней очень напрягало. Думаю, поэтому ей так и не удалось завести подруг. Редко кому под силу долго такое выносить... Это ужасно, то, что я говорю, да? Я не должна говорить о ней плохо. И потом, какой бы она ни была... она не заслужила такой смерти.

Филдер сочувственно посмотрел на Киру. Он видел мертвую Карлу Робертс. Она лежала в гостиной, связанная по рукам и ногам клейкой упаковочной лентой. Убийца затолкал ей в горло скомканный кусок ткани, на поверку оказавшийся клетчатым кухонным полотенцем. Карлу Робертс, с большой вероятностью, вырвало, и она всеми силами пыталась выдать из себя кляп.

– Что ей, по-видимому, все-таки удалось, – предположил судмедэксперт еще на месте преступления. – Но потом злоумышленник так глубоко затолкал в нее эту тряпку, что женщина захлебнулась собственной рвотой. Ужасная, должно быть, была агония...

Филдер в очередной раз понадеялся, что Кира Джонс не станет расспрашивать его об этих деталях.

– Миссис Джонс, – снова начал он. – Вчера вы сказали, что открыли дверь квартиры матери собственным ключом, поскольку на ваши звонки она не реагировала. Как вы попадали в ее дом до того? У вас есть ключ и от подъезда тоже?

– Да, но дверь в подъезд все равно была открыта. Я звонила в домофон, ждала, потом поднялась на лифте. Снова звонила, в дверь ее квартиры. Наконец отперла своим ключом.

– Вы уже тогда заподозрили неладное?

Кира затрясла головой.

– Нет. Я ведь не предупреждала, что приду. Мама могло просто не оказаться дома. Она ведь иногда гуляла, ходила в магазин... Я думала дожидаться ее в квартире.

– У кого-нибудь, кроме вас, есть ключи от этой квартиры?

– Нет, насколько мне известно.

– Судя по всему, – продолжал Филдер, – ваша мать сама впустила убийцу. Не обнаружено никаких следов взлома. Конечно, пока рано делать окончательные выводы, но вполне возможно, что ваша мать его знала.

Глаза Киры наполнились ужасом.

– Она... его знала?

– Что вы можете сказать о ее знакомых?

Филдер заметил, что на глаза Киры снова навернулись слезы, которые ей на этот раз удалось сдержать.

– Собственно... у нее их не было. В этом и состояла проблема. Мама жила в полной изоляции. В тот вечер, когда мы в последний раз говорили с ней, я упрекала маму в этом. Что она не заводит подруг... ничего не делает для того, чтобы они у нее были. Мама терпеливо выслушала, но у меня не сложилось впечатления, что что-то изменится.

Филдер кивнул. Это вполне вписывалось в общую картину. Если у человека есть друзья или знакомые, его десятидневное отсутствие вряд ли останется незамеченным.

– Как давно ваша мать вышла на пенсию?

– Пять лет назад. После развода она устроилась на работу в аптеку, но там ей не очень нравилось. В конце концов в шестьдесят лет она вышла на пенсию. К счастью, до того мама не устраивалась куда попало, поэтому и зарабатывала неплохо. Иначе на пенсии оказалась бы в сложном финансовом положении. А так ей все-таки удавалось сводить концы с концами.

– В аптеке у нее бывали конфликты с другими сотрудниками?

– Нет, она ладила со всеми, и все с ней. Но связи оборвались, как только она уволилась. Не думаю, чтобы она общалась с кем-нибудь из бывших коллег.

– А кроме них? Разве у нее не было какого-нибудь увлечения, хобби? Иногда люди сходятся на этой почве...

– Нет. Ничего такого.

– А в доме? Разве она не общалась с соседями?

– Тоже нет. Там, похоже, каждый жил сам по себе, и соседи не знали друг друга. Моя мать не из тех, кто может подойти познакомиться первым. Для этого она была слишком застенчива. Но она никому плохого не делала. Мама была хорошим, дружелюбным человеком. Уму непостижимо, как она могла спровоцировать в ком-то такую ненависть... это просто не укладывается у меня в голове.

Филдеру пришли на ум жестокие подробности убийства. Очень может быть, преступник ничего не имел против Карлы Робертс – дружелюбной, застенчивой, несколько жалостливой по отношению к себе пенсионерки. У него могли быть проблемы с женщинами в целом. Садист, психопат, извращенец – именно так все это до сих пор выглядело.

– Больше ничего не хотите добавить? – спросил инспектор.

Кира задумалась.

– Нет, как будто... Или... не знаю, насколько это может быть важно, но в тот вечер, когда мы разговаривали с мамой в последний раз, она упомянула об одной странности... По крайней мере, ей это казалось странным. Она заметила, что в последнее время слишком часто случается, что лифт поднимается на ее этаж, но из него никто не выходит.

– Никто не выходит? Она была уверена в этом?

– Да, судя по всему. Иначе она бы слышала шаги. Все это тем более странно, что на восьмом этаже мама жила одна.

– И как долго это продолжалось? Она что-нибудь говорила об этом?

– Неделю или две, так она сказала. До того ничего подобного не было. Я еще ответила, что, может, система так устроена, что лифт останавливается на каждом этаже через равные промежутки времени. Но мы не успели углубиться в эту тему. Мама поняла, что у меня нет возможности продолжать разговор.

Кира закусила губу. Филдер перегнулся через стол. Он искренне жалел молодую женщину. Потерять мать ужасно, тем более при таких обстоятельствах. Но отныне Кира обречена жить с чувством вины, мучиться, ежедневно и ежечасно, сознанием того, как бессердечно пренебрегала матерью, отмахивалась от ее проблем. И это для миссис Джонс должно оказаться самым невыносимым. Инспектор был почти уверен в этом.

– Миссис Джонс, – снова начал он, – у вас не создалось впечатления, что ваша мать почувствовала угрозу?

Глаза Киры наполнились слезами.

– Да, – выдавила из себя она, – мама была чем-то напугана. Она чувствовала угрозу, да. Но я отмахнулась от нее и на этот раз...

Кира ткнулась лицом в колени и пронзительно закричала.

4

Мама Дарси пекла маффины.

«Почему сейчас все мамы пекут маффины? – подумала Джиллиан. – Кому-то ведь приходится все это съедать?» Эта мысль отозвалась в голове ноющей болью.

Диана, мать Дарси, вычерпывала тесто из большой керамической миски в формочки. На кухне пахло шоколадом, маслом и миндалем. На столе стояли красные свечи, чайник с ванильным чаем и миска с леденцами.

– Наливай чай, – сказала мама Дарси.

Она была стройная, привлекательная блондинка. Хорошо играла в теннис и гольф. Фантастически готовила и умела создать в доме уют и красоту. Дочери любили ее. Диана часто вызывалась оформлять школьные вечера и с удовольствием участвовала в экскурсионных поездках в качестве сопровождающего лица. За это ее любили и учителя тоже.

И еще она пекла маффины. Правда, на этот раз мысли Дианы были далеки от теплой кухонной атмосферы. Она думала об убийстве одинокой пожилой женщины, всколыхнувшем весь Лондон. Одну Джиллиан, похоже, это не затронуло.

Бекки хотела отнести больной Дарси домашнее задание, и мать взялась ее сопровождать, поскольку не хотела, чтобы дочь одна разгуливала по темноте. Когда девочки уединились в комнате Дарси, Диана предложила Джиллиан выпить чаю. Джиллиан только что вернулась из лондонского офиса и очень устала. В другой день при подобных обстоятельствах она, конечно, отказалась бы от такого предложения, но мама Дарси еще в дверях набросилась на нее с вопросами:

– Ну и что ты думаешь об этом ужасном преступлении?

Джиллиан, в полном недоумении, попросила разъяснить, о чем речь, и это решило ее судьбу. Словоохотливая Диана затащила соседку на кухню, где выложила все, что знала со всеми возможными подробностями.

– Говорят, бедняжка пролежала в квартире больше недели и никто ее не хватился. Представляешь, какой ужас! Это насколько же одинокой надо быть...

– Ужаснее всего, как мне кажется, то, что она была убита в собственной квартире, – ответила Джиллиан. – Как преступник вообще проник к ней? Об этом что-нибудь известно?

– Следов взлома нет. Выходит, она сама его впустила. Так что, вполне возможно, убийца – кто-то из ее знакомых. Не могла же она открыть неизвестно кому, только потому, что тот позвонил в дверь. Не могу поверить, что на свете бывают такие легкомысленные люди.

Тут Диана снова занялась тестом для кексов, а Джиллиан, попивая чай, размышляла об ужасном убийстве и идеальных матерях и в то же время пыталась расслабиться, потому что где-то на фоне мыслей все еще маячила головная боль.

Наполнив все формочки, Диана поставила их в духовку и установила нужную температуру.

– У нее как будто осталась взрослая дочь, – сказала она, присаживаясь за стол и наливая себе чаю, – она и обнаружила тело.

– Какой кошмар, – искренне ужаснулась Джиллиан.

– То есть до того дочь не замечала, что от матери вот уже десять дней как ни слуху ни духу, – подхватила Диана. – Странно, по меньшей мере. Надеюсь, мои дочери не такие.

Джиллиан вспомнила утро и ненависть в глазах Бекки. Насколько оправданы подобные надежды в отношении ее ребенка? И вообще, может ли нечто подобное когда-нибудь случиться с Джиллиан?

– И как ее... убили? – спросила она.

– Об этом полицейские не особенно распространяются, – с сожалением ответила Диана. – Тайны следствия и тому подобное... Разглашение, видишь ли, может повлечь подражательные преступления и ложные признания. Так написано в газете. Но, похоже, убийство совершено самым зверским способом.

– Наверное, какой-нибудь психопат, – Джиллиан поморщилась.

– Или кто-то с патологической ненавистью к женщинам.

– Как можно так ненавидеть? В любом случае это ненормально. Надеюсь, его скоро поймают.

– Я тоже надеюсь на это, – подхватила Диана.

Некоторое время обе женщины молчали, а потом Диана вдруг сменила тему:

– Ты пойдешь на рождественский вечер в гандбольный клуб?

– Я ничего об этом не знала. Вечер, говоришь?

– Разве Бекки тебе не сказала? Уже в эту пятницу.

– Может, она и говорила, да я пропустила мимо ушей, – ответила Джиллиан, хотя и знала, что ничего такого не было. Она всегда внимательно ловила каждое слово дочери. Но Бекки никогда ничем с ней не делилась, и в этом была проблема.

– Так ты идешь? – повторила вопрос Диана. – Каждый приносит что-нибудь к чаю – ну, печенье или что-то вроде того... Уверена, будет весело.

– Да, конечно.

Так вот зачем эти дурацкие кексы... Ничего, переживем и это.

Лишь четверть часа спустя Джиллиан удалось вырваться – под предлогом, что скоро вернется Том и нужно готовить ужин. Оказавшись с Бекки на темной улице, Джиллиан с облегчением подставила лицо холодному ветру. На какой-то момент она возненавидела и украшенную к Рождеству кухню, и запах выпечки, и безупречную во всех отношениях Диану.

– Почему ты не сказала мне о рождественском вечере в гандбольном клубе? – спросила Джиллиан дочь.

– Просто не возникло такого желания, – пробормотала Бекки.

– Какого такого желания? Говорить со мной об этом или идти на вечер?

– Говорить.

– Почему?

Бекки молча ступила на подъездную дорожку. Машина Тома стояла перед гаражом. Обычно он уезжал в Лондон раньше Джиллиан и позже возвращался. Джиллиан приходилось приспособливать свой график под Бекки и домашнее хозяйство, поэтому в офис они с Томом ездили порознь.

Джиллиан схватила дочь за руку:

- Я жду ответа!
- Какого ответа? – как будто удивилась Бекки.
- На мой вопрос. Почему ты не сказала про вечер в гандбольном клубе?
- Я хочу, наконец, отдельное подключение к интернету.
- Это не ответ.
- Все в нашем классе...
- Чушь! Ни за что не поверю, что у каждого в вашем классе отдельное подключение к интернету. Интернет – это...
- ...очень опасно. Там за каждым кустом прячутся извращенцы, которые заманивают невинных девочек в чаты, а потом...
- К сожалению, есть и такое, – вздохнула Джиллиан. – Но это полбеды. Просто ты еще недостаточно взрослая, чтобы самостоятельно разгуливать по интернету. Это не пойдет тебе на пользу.
- Но почему? – почти закричала Бекки.
- Потому что сейчас для тебя куда важнее учиться, делать домашние задания, общаться с друзьями, заниматься спортом...
- Бекки закатила глаза.
- Мне уже двенадцать, а ты обращаешься со мной как с пятилетним ребенком.
- Это не так.
- Это так. Даже когда я просто хочу пойти к Дарси, ты увязываешься со мной, потому что боишься, что по дороге что-нибудь может случиться. Ты так ненавидишь общаться с ее матерью... Почему бы тебе не отпустить меня одну?
- Потому что уже поздно. Потому что...
- Почему ты мне не доверишь?
- Тут Бекки увидела отца, который стоял на пороге дома на фоне ярко освещенной прихожей. Не дожидаясь ответа матери, девочка бросилась к нему в объятия.
- Джиллиан медленно последовала за ней.

5

Она вздрогнула, заметив скользнувшую по стене за телевизором световую кеглю, и тут же задумалась, не вообразила ли себе это? Или же свет – просочившийся в реальность отголосок сновидения?

Энн уснула, хотя по телевизору шел интересный детектив, но такое случалось и раньше. Она была жаворонком. Просыпалась в половине пятого утра бодрой и полной сил. А вечером могла лечь и в восемь.

Энн села на стул. Прислушалась, но ничего не услышала. В последнее время так бывало вот уже три или четыре раза. Снаружи подъезжала машина, и по стенам гостиной пробегал отблеск фар. А потом все прекращалось – ни света, ни звука, вообще ничего. Как будто кто-то вдруг выключал и мотор, и фары. Для чего, интересно? Чтобы просто так стоять в темноте?

Энн Уэсли была не из слабонервных. Когда такое случилось в первый раз, она встала с постели и открыла входную дверь. Даже прошла по мощеной дорожке через сад к воротам. Но, как ни вглядывалась, ничего не увидела. Лес почти вплотную подходил к ее забору. Энн знала, что ночная темнота никогда не бывает совершенно непроницаемой для человеческого глаза, но в этом месте она сгущалась почти до абсолютной черноты.

Именно расположение дома и делало поведение машины таким странным. Поблизости не было даже нормальной асфальтированной дороги. Чуть в стороне располагалась полузаброшенная парковка, от которой отходили пешеходные тропки в лес. Летом, особенно по выход-

ным, там еще наблюдалось некоторое оживление, но зимой, тем более ночью... Разве какая-нибудь влюбленная парочка. Только вот зачем им гонять машину?

Энн подошла к окну, но увидела лишь собственное отражение на стекле. Она выключила телевизор и ночник в углу и снова вгляделась в ночь, где смутно угадывались очертания сада – заросли кустарников, высокая трава, ветви плодовых деревьев, теперь совершенно голые.

Каждое лето Энн собирала богатый урожай вишни, яблок и груш и неделями варила желе и джемы. Все это хранилось в банках, под крышками на резиновых кольцах. И на каждой банке была аккуратно подписанная этикетка. Помимо прочего, это память о Шоне. Он больше всего на свете любил этот сад, как и домашнее варенье, которое Энн и варила прежде всего для него. Теперь ей вовек не съесть того, что хранится на полках в подвале и будет безжалостно выброшено на помойку после ее смерти.

Они с Шоном обнаружили этот дом восемь лет тому назад во время прогулки. Тогда они приехали в Танбридж-Уэллс – симпатичное местечко, затерявшееся среди лугов, лесов и полей на западе Кента. Эта местность славилась фруктовыми садами и бесконечными полями хмеля. Лето было жарким и сухим, поскольку дожди шли нечасто, а весной в воздухе висел тяжелый, сладкий аромат цветущих яблонь и груш. Шон и Энн бродили по лесу, где в свежей майской зелени белели колокольчики ландышей и золотилась ветреница, когда их глазам открылось это строение, более всего напоминавшее одинокое пристанище охотника или лесника.

Заброшенный и явно нежилой дом не выглядел особенно привлекательным. Но Шона это не смутило. Он с первого взгляда влюбился в сад и с тех пор говорил только о нем:

– Какой большой участок и столько деревьев! Сирень, лабурнум, жасмин – чего здесь только нет! Это то, о чем я мечтал всю жизнь.

Ей сразу не понравилась его идея. Тогда им обоим было под шестьдесят, и Энн казалось неразумным обременять себя под старость имуществом, требующим тяжелого физического труда. Но Шон убеждал ее в обратном:

– Именно потому, что скоро выйдем на пенсию, мы можем себе это позволить. Тогда нам не нужно будет никуда торопиться. Сама подумай, что ты станешь делать в квартире? Смотреть в окно? Давай, решайся. Почему бы еще раз не попробовать что-то новое?

И они купили этот дом. Это оказалось несложно, потому что больше он никому не был нужен. Дом находился в муниципальной собственности, и от него были рады избавиться. С тех пор все свободное время, каждые выходные и праздники, Шон и Энн проводили в лесу. Медленно, шаг за шагом, отремонтировали дом, и Энн с удивлением обнаружила, что эта кропотливая работа действительно скрасила ее жизнь.

Они отшлифовали старый паркет, выложили плиткой кухню и ванную, покрасили стены и вставили новые окна. Укрупнили комнаты, разрушив внутренние перегородки. Деревянную террасу с южной стороны оградил перилами и снабдил спускавшимися в сад ступеньками. Срубили несколько деревьев, чтобы больше стало света и солнца. На чердаке, под крышей, Энн оборудовала студию. За несколько лет до того она открыла для себя мир живописи, которая с тех пор стала ее страстью.

Она подумывала выйти и посмотреть. Но увидеть припаркованную машину можно было не иначе как проделав путь до самых ворот. Энн поехала при одной мысли о ночном холоде, поджидавшем снаружи. Не говоря о том, как там темно. Похоже, она все-таки вообразила себе этот скользивший по стене свет. Или же он ей приснился.

Но что-то ведь разбудило ее. Энн попыталась подавить поднимающуюся изнутри волну панического страха. Она здесь совсем одна. Днем это не доставляло никаких неудобств, но ближе к вечеру приходилось брать себя под контроль, чтобы не предаваться тревожным мыслям.

Энн снова зажгла свет и прошла на кухню – красивую, новую кухню из беленого дерева, с плитой посередине и большим разделочным столом напротив двери, выходящей на террасу, где

можно было позавтракать, почитать газету за чашкой кофе. Плеснула в рюмку бренди, выпила. Энн не имела привычки решать проблемы при помощи алкоголя, но на этот раз бренди ее успокоил.

Даже когда умер Шон, Энн не пристрастилась к бутылке и ни у кого не просила помощи. По опыту она знала, что работа – лучший способ справиться с психическими проблемами, поэтому первым делом бросила все силы на сад. Потом много рисовала и так пережила первый, самый ужасный год. С тех пор прошло еще два с половиной года, а у Энн все было под контролем – мысли, чувства и вся ее одинокая жизнь.

Шон умер, когда они уже управились с домом, – в середине лета, спустя пару недель после своего шестидесятилетия. Он вышел на пенсию в июне. Месяц спустя и Энн оставила педиатрическую практику ради заслуженного отдыха. В первых числах июля хотели отпраздновать начало новой жизни в отремонтированном доме, расставили мебель в саду, утопавшем в цветущем жасмине.

Они пригласили восемьдесят человек, и почти все согласились. За день до торжества Шон взобрался на крышу, чтобы развесить вдоль желоба гирлянду с разноцветными лампочками. Спускаясь, пропустил на лестнице первую ступеньку и упал.

Шон сломал шейку бедра, но в остальном поначалу ничто не предвещало трагической развязки. Притом что он попал в больницу и вечеринку пришлось отменить, что повергло Шона в отчаяние. Но самым страшным оказалась пневмония, которая развилась впоследствии и от которой не помогали никакие лекарства. Шон умер месяц спустя, прежде чем Энн успела осознать, что произошло.

После похорон, где-то в ноябре, она сама взобралась на крышу и сняла все еще висевшую там гирлянду, явно не стоившую принесенных ей жертв.

...После второй рюмки Энн окончательно расслабилась и пришла к выводу, что действительно вообразила себе скользнувший по стене свет. А разбудил ее, скорее всего, телевизор. Крики, выстрелы – такое бывает в криминальных фильмах. Тем не менее заперла дверь со всей возможной предосторожностью, использовав предохранительную цепочку, что редко делала. И закрыла ставни на окнах первого этажа.

Хуже, по крайней мере, не будет.

Пятница, 4 декабря

1

– Ну и чем ты занимаешься дни напролет? – спросил Бартек.

В пабе было шумно. Смех, разговоры, всхлипывания – и ни одного свободного столика. Самсон не любил сюда ходить, но Бартек всегда настаивал именно на этом пабе, а Самсону не хотелось расстраивать единственного друга.

Время от времени они встречались по пятницам, когда у Бартека заканчивалась рабочая неделя, не позже шести – половины седьмого. Девушка Бартека злилась, когда он проводил весь вечер в пабе в компании друга, поэтому в половине девятого расходились по домам.

Самсон приехал на машине и уже поэтому не мог пить спиртное. Собственно, он никогда не увлекался алкоголем и не любил автобусы. Ожидание на холодной остановке, да еще после длительной прогулки, не особенно вдохновляло.

Машину Самсон унаследовал от матери, что до сих пор не давало Милли спать по ночам. Ее всегда беспокоило, когда кто-то получал то, что хотелось бы иметь ей.

– Ну, я же не все время сижу дома, если ты это имеешь в виду, – ответил Самсон на вопрос Бартека. – Это действительно было бы скучно. Кроме того, на этой неделе Милли работает во вторую смену и полдня дома, а это... ну ты меня понимаешь... Милли для меня не лучшая компания.

Милли работала в доме престарелых, который ненавидела всеми фибрами души. Самсону приходилось слышать, как она отзывается о своих подопечных, и мысль на старости лет оказаться во власти подобной фурии приводила его в ужас.

– И как тебе только удастся жить с братом и невесткой? – удивлялся Бартек. – В твоём возрасте...

– Но это ведь и мой дом тоже!

– Тогда пусть компенсируют тебе хотя бы часть арендной платы. Подыщи себе что-нибудь, с тобой там плохо обращаются.

– Я боюсь одиночества, – шепотом признался Самсон.

Бартек поднял брови.

– Тебе сколько лет? Тридцать четыре! Самое время подыскать себе женщину. Разве ты не собираешься заводить семью?

Самсон глотнул безалкогольного пива. Бартек затронул деликатную тему. Они и раньше заговаривали об этом – жениться, обзавестись детьми, начать наконец нормальную взрослую жизнь... У Бартека с этим тоже были проблемы. В свои сорок он никак не мог решиться узаконить отношения с женщиной, с которой жил вот уже много лет. Проблемы Самсона носили другой характер, но перед Бартеком Самсон прикрывался все тем же страхом обременять себя ответственностью супруга и отца семейства – страхом, которого у него и в помине не было.

Совсем напротив, самым заветным желанием Самсона было познакомиться с женщиной, которая вышла бы за него замуж. Дом, сад, дети, собака – эта картина до мельчайших деталей сложилась в его воображении, и Самсону казалось, он готов сделать все, чтобы воплотить ее в реальность.

Но смущающим обстоятельством было то, что Самсон совершенно не имел опыта общения с противоположным полом – ни в школе, ни позже. Никогда вообще. Поэтому тема женитьбы оставалась чем-то из области отвлеченных фантазий.

– Ну да, – ответил Самсон Бартеку. – Только ведь не каждый день встретишь женщину, с которой можно создать семью.

– В нашем случае проблема назрела и перезрела, – отозвался Бартек. – Моя чуть не нож мне к горлу приставила... Что ж, может, так оно и лучше. Летом намечается большой праздник. Ты, разумеется, в числе приглашенных.

Бартек вовсе не выглядел несчастным.

– Как мило, – пробормотал Самсон.

Он завидовал, хотя и старался не подавать виду. Бартеку всегда везло, во всех смыслах. Когда они познакомились, Самсон еще не развозил замороженные продукты, а работал в автосалоне «Лимузин». Бартек работал там же, только его не уволили, в отличие от Самсона. Да и как такого уволишь! Бартек нравился всем – от босса до рядовых сотрудников и клиентов. К нему обращались чаще других, с самыми разными запросами, когда бронировали автомобиль – «а можно нам того симпатичного поляка, Бартека?»

Он прекрасно говорил по-английски, разве что с неподражаемым восточноевропейским акцентом, который так нравился женщинам. Бартек знал, чем увлечь публику. Пара захватывающих дух историй якобы из собственной жизни – и внимание клиента безраздельно принадлежало ему. Самсон, долгими бессонными ночами предававшийся бесполезным размышлениям, почему женщины обходят его стороной и как так получается, что он всегда первый попадает под сокращение, невольно приходил к выводу, что всему виной его скучная, беспросветно серая биография. Ну о чем здесь рассказывать?

Или имя... Чего Самсон не мог простить покойным родителям, так это своего имени. Так уж вышло, что, будучи беременной, мама прочитала книгу, где фигурировал некто Самсон, и нашла это имя просто замечательным. Гэвину, двумя годами старше Самсона, повезло больше. Его по крайней мере не дразнили в школе – все десять лет.

– Тебе нужно на люди, – вот уже в который раз повторял Бартек. – Иначе никогда не найдешь себе женщину. Чем ты вообще занимаешься? Когда не сидишь в четырех стенах, я имею в виду.

«Я ничего ему об этом не рассказывал, – подумал Самсон несколько раздраженно. – С чего он вообще взял, что я не бываю на людях?»

Бартек никогда не прислушивался к его словам – как видно, потому, что не ожидал услышать от Самсона ничего интересного. Самсон ненадолго задумался, насколько будет разумным ему довериться. Но больше некому, а необходимость такого разговора давно назрела.

– В каком-то смысле, – таинственным шепотом начал он, – я весь день провожу среди людей.

– Правда? И что ты делаешь?

– Наблюдаю жизнь других.

– Что?!

– Брожу по улицам, придерживаясь строгого расписания. Это очень интересно... столько людей, столько разных судеб... то, как они живут, я имею в виду... Есть ли у них семьи, счастливы они или несчастны, и все такое.

Самсон сразу понял, что ошибся. В глазах Бартека его признание выглядело сущим идиотизмом. Он ясно увидел это по лицу друга.

– Хочешь сказать, ты следишь за разными людьми? – спросил Бартек спустя некоторое время и, как видно, все еще сомневаясь, что не ослышался.

– Я анализирую их жизнь, – объяснил Самсон.

– Как? Ты... анализируешь? Как это понимать?

– Пытаюсь разобраться в том, как они живут. Почему, например, кто-то из них не имеет семьи и как с этим справляется.

– И что тебе это дает?

– Понимание.

– Да, но зачем? Я имею в виду, что именно таким способом ты пытаешься себе уяснить?

Самсон уже видел, что это бессмысленно. Они с Бартеком говорили на разных языках. Да и можно ли было в принципе объяснить его увлечение?

– Ну вот, к примеру, я одиночка, – тем не менее продолжал он. – И много размышляю над тем, почему это так. Поэтому мне и интересно знать, так ли оно и с другими, как со мной.

– Не сердись, прошу тебя, но, видишь ли, твой метод отдает... извращением, что ли. Почему бы тебе не выйти в интернет? Там тысячи людей с такой же проблемой и бесчисленное множество форумов, где можно обмениваться идеями.

– Я делал это, – признался Самсон. – Но в интернете все слишком анонимно. Вот, положим, я беседую с кем-то, кто живет в пятистах милях от меня и о ком мне ничего не известно, кроме того, что у него так же, как и у меня, нет жены. После такого общения чувствуешь себя еще более одиноким.

– Но ты хочешь познакомиться с женщиной?

– Да, и это тоже.

– То есть это ради этого ты бродишь по улицам и заглядываешь в чужие окна? – Бартек пытался внести хоть какую-то логику в то, что представлялось ему верхом абсурда.

– Ну не совсем.

– Черт возьми, тогда какой в этом смысл?

Самсон пожал плечами.

– Для меня это не имеет значения.

– Нет, подожди... Не сердись на меня, Самсон, но это выглядит слишком странно. Мой совет – срочно устраивайся на работу. У тебя появляются странные причуды.

– Я без работы не по своей воле.

– Нет, конечно. Но почему бы тебе не попробовать что-нибудь новое. Ты молодой. Устроиться таксистом, к примеру... Все лучше, чем заглядывать в чужие окна.

– Но это действительно очень увлекательно.

Бартек покачал головой.

– Ну хорошо... Удалось ли тебе найти подходящую женщину? Должно же это хоть к чему-то тебя привести.

Самсону пришлось признать, что молодых незамужних женщин во время прогулок он встречает не так много.

– Большинство старше меня, значительно старше. Есть, правда, одна моего возраста и без семьи. Работает из дома, выгуливает большую собаку...

– Ты говорил с ней?

Бартек и в самом деле ничего не понимал. В планы Самсона не входило заговаривать с теми, за кем он наблюдал.

– Нет.

– Так пригласи ее на чашку кофе.

– Пожалуй, – согласился Самсон.

Такое было совершенно невозможно, но должен же он был как-то успокоить Бартека.

– И поищи женщину в интернете, – повторил тот.

– Я знаю, но...

– Что «но»? Что толку говорить об этом и мечтать? Надо действовать.

– Там есть одна семья...

У Самсона пропало всякое желание откровенничать с Бартеком, но он хотел разубедить его в том, что все сводится исключительно к поискам женщины. Бартек был потрясен, и этого нельзя было так оставлять. Самсон не хотел выглядеть маньяком в глазах единственного друга.

– Там есть одна семья... они живут на другом конце нашей улицы, прямо напротив гольф-клуба.

– Так, и что с ними?

– Он финансовый консультант. Одно время помогал Гэвину. Она – очаровательная женщина. И у них совершенно замечательная дочь.

Бартек выглядел не менее озадаченным, чем до того.

– И чего ты от них хочешь? Отбить симпатичную мамашу?

– Нет же, конечно нет. Они – само совершенство, понимаешь? Идеальная семья. Такая, какую я хотел бы когда-нибудь иметь.

Теперь Бартек обеспокоился всерьез:

– Самсон, у меня такое впечатление, что ты слишком отдалился от реальности. Примеряя на себя чужую жизнь, ты не изменишь своей собственной. Я бы назвал это бегством.

«Почему бы и нет? – подумал Самсон. – Если есть куда бежать, иногда работает и это».

– Со мной все будет хорошо, – заверил он Бартека.

Зачем было вообще все это затевать? У Самсона возникло ощущение, что теперь Бартек будет снова и снова поднимать эту тему, вгрызаться в нее, как терьер в любимую игрушку.

– Мы еще посмотрим, что можно для тебя сделать, – пообещал Бартек. – Где-то ведь бродит и твоя половинка. Ты хорош собой, владелец дома... половины его, по крайней мере. Не глуп и не имеешь вредных привычек. Было бы странно, если б...

– Я безработный, – подсказал Самсон.

– Именно поэтому для тебя сейчас важно всерьез озаботиться поисками работы.

– Я ищу как сумасшедший, поверь.

Это было неправдой. На этот раз Самсон даже не подавал заявление на биржу труда, о чем уже успел пожалеть. Прежде всего такое не могло продолжаться вечно. Он не получал никакой поддержки, а сбережения таяли с каждым днем. Но официальная регистрация на бирже чревата заполнением кучи бумаг, подтверждающих его неустанные поиски нового места, а это было несовместимо с его увлечением. Сколько раз уже Самсон собирался заняться этой проблемой, но так до сих пор ничего и не сделал.

Он не мог передать Бартеку, насколько сильным было желание и дальше наблюдать за другими людьми. Собственная жизнь без этого казалась бессмысленной.

– Если очень постараться, обязательно что-нибудь найдешь, – оптимистично заверил друга Бартек.

И далее, к большому облегчению Самсона, сменил тему и вернулся к своим планам на будущее – свадьбе, покупке квартиры и следовавшей из этого проблеме получения кредита, и так далее, и тому подобное...

Самсон слушал вполуха. Он ничего не ел с самого завтрака, а финансы не позволяли заказать даже гамбургер – самое дешевое блюдо в меню паба. Но в один момент все это перестало иметь какое-либо значение. Самсон почувствовал приятное головокружение – как после бокала хорошего вина, и все вокруг замелькало, контуры размылись, звуки – звон бокалов и разговоры – стали приглушенными. В помещение ворвался свежий ветер, потому что кто-то открыл дверь. Бартек продолжал болтать.

Самсон вспоминал Джиллиан Уорд.

2

«Если бы только удалось выскользнуть отсюда незамеченной», – думала Джиллиан.

Пустые мечты. Она не могла уйти из спортзала без Бекки – во всяком случае, так, чтобы это не бросилось кому-то в глаза. Дети из разных гандбольных команд резвились на поле внизу. Бекки в черных легинсах и розовой футболке была одной из самых активных. Ни малейшего шанса вытащить ее отсюда.

Родители, по большей части матери, сидели в ресторане, отделенном от собственно спортивного зала стеклянной перегородкой. Здесь обычно проходили клубные встречи и торжества.

Помещение украсили к Рождеству, проигрыватель для компакт-дисков играл рождественские гимны. В баре желающим наливали кофе, чай и шампанское. Родители принесли закуски для шведского стола – тонны рождественского печенья и сливового пудинга, немислимое разнообразие пирожных и салатов, две сырные тарелки, галеты – съесть все было невозможно.

Джиллиан испекла шоколадный торт, к которому до сих пор так никто и не притронулся, что, к ее собственному удивлению, повергло ее в безутешное детское горе. Произведение Джиллиан выглядело совсем неплохо, но на столе стояли еще два точно таких же шоколадных торта. Возможно, причина была в этом.

Диана не пришла, потому что в последний момент у Дарси снова заболело горло. И так как Джиллиан ни с кем из родителей больше не общалась, первые полчаса просидела в полном одиночестве, сжимая в руке чашку с кофе. Съела, правда, пару кексов, но без особого аппетита. Нужно было что-то делать – не сидеть же вот так, уставившись в стену?

Остальные матери как будто от души радовались обществу друг друга. Звон посуды, смех, разговоры смешались в неразличимый гомон. Все были радостны, возбуждены, счастливы. Кроме Джиллиан.

В конце концов к ней под села одна из родительниц, которая подошла позже других и, как видно, просто не смогла найти себе другого места. Она поставила перед собой поднос с разными видами салатов, сыра и большим бокалом шампанского.

– Боже, как я голодна... – Женщина взглянула на пустую кофейную чашку Джиллиан и блюдо с двумя надкусанными рождественскими печеньями. – Вы – нет?

– Не особенно, – ответила Джиллиан.

Женщина вгляделась в ее лицо:

– А вы Джиллиан, мама Бекки?

Джиллиан кивнула, в очередной раз удивившись, почему другие родительницы всегда всё знают. Кто чья мама, например, и как кого зовут. Сама она понятия не имела, где чей ребенок.

Женщина с живостью принялась за еду и завела долгий рассказ о своем сыне, который с раннего детства страдал нейродермитом, а потом всевозможными аллергиями и непереносимостью разных пищевых продуктов. Она перепробовала с ним множество врачей и медикаментов. Настоятельно не рекомендовала принимать в таких случаях кортизон. А вот из мазей кое-что могла бы посоветовать, исходя из собственного богатого опыта.

– У Бекки тоже аллергия? – спросила она.

Джиллиан покачала головой:

– Нет.

«У нее аллергия на меня, – добавила она про себя. – Мне хотелось бы, чтобы это была аллергия на что-нибудь другое – цветочную пыльцу, пылевых клещей или лактозу. Тогда я бы, по крайней мере, знала, что делать. Я так...»

Ничего этого Джиллиан, разумеется, не сказала, но почувствовала, как близко подошла к тому, чтобы разоткровенничаться, и это ее напугало. Рядом с ней сидела совершенно незнакомая женщина. Их дети играли в одной гандбольной команде, только и всего. И Джиллиан чуть было не доверила незнакомке свое самое сокровенное горе. «Ну-ка, не раскисать», – приказала она себе. Вечером нужно будет позвонить Таре Кейн. Тара не станет сплетничать о ее проблемах, в ней Джиллиан была уверена.

Женщина рядом, имени которой Джиллиан все еще не знала, сделала хороший глоток шампанского и наконец сменила тему:

– Бёртон выглядит просто фантастически, вы не находите?

Джиллиан поискала глазами, пока не обнаружила тренера Джона Бёртона, который, прислонившись к барной стойке, беседовал с группой окруживших его мам – как видно, отвечал на вопросы об успехах детей. Взбудораженные дамы напирали и перебивали друг друга, но если

ситуация и напрягала Бёртона, то он не подавал вида. Ничего другого, впрочем, Джиллиан от него и не ожидала. Она часто видела его в окружении женщин, когда привозила или забирала Бекки с тренировки. Возможно, женщины действительно хотели быть в курсе любого, даже самого незначительного происшествия, как-то связанного с командой. Но в то же время здесь, вне всякого сомнения, имело значение и то влияние, которое Бёртон оказывал на них.

Дело было не только в красоте. Бёртона окружала тайна. Говорили, когда-то он служил в полиции и сделал блистательную карьеру. Но в тридцать семь лет по причине, так и оставшейся непроясненной, подал в отставку и основал охранный агентств, в котором сейчас работали больше двадцати человек.

Бёртон жил в Лондоне и дважды в неделю приезжал в Саутенд тренировать две гандбольные юниорские команды. Он намеренно подбирал игроков в том числе из неблагополучных семей, поскольку считал командный спорт действенной профилактической мерой против развития преступных задатков. Джиллиан подслушала однажды, как Бёртон объяснял это группе восторженных родительниц. Можно представить, каким рыцарем он выглядел в их глазах.

«А ведь на самом деле наверняка не таков», – подумала она. Но вслух была вынуждена признать, что Джон Бёртон действительно привлекательный мужчина.

– Правда? – оживилась соседка. – Но я стараюсь не давать волю фантазиям. Бог знает, до чего они могут довести. Самое интересное, что он как будто не женат.

– Зато, наверное, потерял счет любовницам, – отозвалась Джиллиан.

– Похоже на то, – согласилась соседка. – С другой стороны, если он такой донжуан, это должно было бы как-то здесь проявиться... ну, кто-то посмотрел бы на него по-особенному... или уехал бы с ним в одной машине. Нет, это и в самом деле удивительно... я никогда не видела Бёртона с женщиной.

– Он не хочет афишировать свою личную жизнь, так ли это странно? – возразила ей Джиллиан. – Эти дамы вокруг него как стервятники.

– И все-таки это странно... – в задумчивости повторила незнакомка. – Как и многое другое, с ним связанное.

Джиллиан не стала расспрашивать, что она имеет в виду, что, конечно, не помешало соседке объясниться.

– Мне было бы любопытно знать, – продолжила она, – почему он ушел из полиции. Бёртон работал в Скотланд-Ярде, такую карьеру не прерывают добровольно. И зачем ему эти тренировки? Он живет в Лондоне, где любой спортклуб принял бы его с распростертыми объятиями. Зачем ему все это?

Тут Джиллиан поняла, что монолога об аллергии с нее более чем достаточно. Подробностей о странностях личной жизни тренера она не выдержит. Джиллиан посмотрела в лицо незнакомки – самодовольное, с грубыми чертами – и поднялась со стула.

– Прошу прощения, но мне срочно нужно покурить. – Она старалась оборвать разговор так, чтобы женщина не обиделась. – Вредная привычка, знаете ли... это сильнее меня...

Господи, только бы она не оказалась курильщицей...

Незнакомка кисло усмехнулась. Она обиделась, это было видно.

Интересно, что сказал бы на это Том? *Ну теперь тебе, надеюсь, понятно, почему ты одна? Ты немедленно отталкиваешь человека при малейшей попытке с тобой сблизиться.*

Джиллиан протиснулась сквозь толпу в зале в гардероб, где вздохнула с облегчением. Тишина, если не считать приглушенных голосов из-за двери. Она провела рукой по лбу – жарко. Понадобилось пять минут, чтобы отыскать свое пальто в куче верхней одежды, накинуть его на плечи и выйти в темный вечер – холодный, но не такой ветреный, как в последние дни.

Туман с реки обволакивал голову, как прохладная влажная ткань. Джиллиан закурила. Никотин действовал на нее расслабляюще, несмотря на неотъемлемое от курения чувство вины. Том ненавидел эту ее вредную привычку – и был прав в каждом своем аргументе. Вот

уже несколько лет подряд накануне Нового года Джиллиан принимала решение покончить с сигаретами раз и навсегда. Но в том, что сигарета одержит верх и на этот раз, она почти не сомневалась.

Джиллиан помассировала висок указательным пальцем. Все-таки в зале ужасный воздух. Нечего и думать вернуться туда. «Потерплю еще с полчаса, а потом скажу Бекки, что нам пора возвращаться», – решила она. Еще одно очко не в ее пользу. Так стоит ли удивляться тому, что Бекки не бывает с ней откровенна? И кто знает, чем на самом деле отзываются для девочки материнские причуды?

Не успела Джиллиан загасить сигарету в пустом цветочном горшке, как из двери вышел Джон Бёртон, в черной куртке и с шарфом, несколько раз обмотанным вокруг шеи. Увидев Джиллиан, он улыбнулся.

– Неужели вы занимаетесь здесь тем же, что и я? – спросил он. – Портите легкие...

Она кивнула.

– Боюсь, что так. Но это...

Джиллиан оборвала фразу на полуслове, боясь выглядеть бестактной, но Джон Бёртон понял, что она хотела сказать.

– ...единственный способ вырваться из всего этого? – Он кивнул в сторону спортзала и собравшихся там людей.

– Вы тоже так считаете? – удивилась Джиллиан.

Джон Бёртон вытащил пачку сигарет, предложил угоститься, и Джиллиан не отказалась. Вставив сигарету в угол рта, он несколько раз щелкнул зажигалкой, но крошечное пламя вздрагивало и гасло, прежде чем удавалось сделать затяжку. Бёртон выругался. Джиллиан достала свою зажигалку и помогла ему. Он поблагодарил.

Некоторое время курили молча.

– Я видел, как вы выходили, – сказал наконец Джон. – Было такое впечатление, что вы ищите предлог улизнуть.

– Я старалась сделать это незаметно, – смутилась Джиллиан.

– Никто ничего и не заметил, кроме меня, – успокоил ее Бёртон. – Они не обращают внимания на такие вещи. Но мне показалось, что вы не очень хорошо себя чувствуете.

Джиллиан сглотнула. Просто удивительно, как легко человек покупается на одну только видимость искреннего сочувствия. Ей показалось даже, что на глаза наворачиваются слезы, что, конечно, было бы совсем ужасно. Джиллиан представила себя рыдающей на улице перед спортзалом, рядом с тренером дочери по гандболу.

– Незнакомая женщина только что изложила мне историю болезни сына, – объяснила Джиллиан. – Во всех подробностях. Так что в конце концов у меня в голове зазвенело. Может, поэтому я и выгляжу несколько измученной...

– Это мама Филиппа, – как будто чему-то обрадовался Джон. – Хороший, смысленный мальчишка. Только, по-моему, нет у него никакой аллергии. Мать – единственная его проблема.

Последняя фраза была произнесена сухим, профессиональным тоном доктора, провозглашающего диагноз. Джиллиан расхохоталась, что испугало ее саму. В словах Джона Бёртона не было ничего особенно смешного. Приятно щекочущая волна нахлынула откуда-то изнутри, возникла где-то в животе и фонтаном вырвалась наружу. Джиллиан как будто от чего-то освободилась. Ей давно не было так весело, но смех, более громкий и залиvistый, чем к тому располагала ситуация, со стороны, как видно, воспринимался как не совсем здоровый. Джон Бёртон, во всяком случае, посмотрел на нее озадаченно.

– Что еще, если не она, – закончил он свою мысль насчет мамы Филиппа.

Потом положил руку на предплечье Джиллиан, и в следующий момент она поняла, что не смеется, а плачет, и что совершенно не заметила, как одно перешло в другое. Слезы хлынули, и уже влажное от тумана лицо стало соленым.

– Я... не знаю, – всхлипывала она. – Извините... сама не понимаю, что со мной...

Джиллиан никак не удавалось успокоиться, и это приводило ее в отчаяние.

– Боже мой... – простонала она.

Бёртон взял из ее руки сигарету и затушил о дно цветочного горшка. Затем взял Джиллиан за руку.

– Пойдемте, пока никто не видит. Вы ведь не хотите стать главным предметом сплетен на ближайшие несколько месяцев?

Сил Джиллиан хватило только на то, чтобы покачать головой. Она послушно позволила провести себя через парковку и села в машину, дверцу которой он перед ней распахнул. Потом заметила, что Бёртон сел с другой стороны на место рядом. Джиллиан продолжала рыдать, но, по крайней мере, ей удалось открыть сумочку и поискать носовой платок.

– Простите... – всхлипывала она.

Бёртон качнул головой.

– Перестаньте, наконец, извиняться. Я весь вечер наблюдал за вами – и знаете что подумал?

– Что?

– «В какой-то момент она обязательно заплачет». Я надеялся, что это случится не в зале. Уж лучше здесь, в машине.

Джиллиан достала платок. Слезы все еще текли, но приступ дикого, сумасшедшего отчаяния миновал.

– Уж лучше в машине, – согласилась она. – Большое вам спасибо.

– Как вы? – поинтересовался Бёртон.

– Более-менее. Но я не могу вернуться в зал.

Он задумался:

– Здесь неподалеку есть паб... Хотите водки? Это иногда помогает.

– Хорошая идея. Если, конечно, я вам не помешаю...

Он завел мотор и вырулил на дорогу.

– Думаете, я в восторге от их компании?

– Мне трудно в это поверить.

– То-то.

Спустя несколько минут они припарковались возле «Дома на полдороги». Он располагался на Восточной Эспланаде – паб с видом на реку, которая теперь только мелькала из темноты и тумана. За ярко освещенными окнами играла музыка.

– Не лучший в городе, возможно, зато ближайший, – объяснил Бёртон, когда они вышли из машины. – И крайне маловероятно, что вы встретите здесь кого-нибудь из знакомых.

Публика громко переговаривалась и смеялась. Джиллиан увидела битком набитый зал, бар и всего несколько столов со стульями. Ни комнатной растительности в горшках, ни картин на побеленных известью стенах, но спартанская обстановка, похоже, не мешала популярности этого места. Публика разновозрастная, и Джон Бёртон прав: это не то место, куда может заглянуть Том или кто-то из его друзей или коллег.

Бёртон увидел свободный столик с двумя стульями и начал прокладывать путь сквозь толпу.

– Что будете пить?

– Бренди, – пожала плечами Джиллиан, как будто удивившись вопросу. – И лучше двойной.

Он кивнул и направился к бару, между тем как Джиллиан сняла пальто, повесила на спинку стула и села.

Ей вдруг стало хорошо. Вот что значит выплакаться... Джиллиан достала из сумочки зеркальце и внимательно оглядела свое лицо. Красное, но это еще полбеды. Откуда эти пятна на коже, опухшие веки, нос? Вот так с ней всегда. В кои-то веки оказалась в пабе с красивым мужчиной – и выглядит как зареванная школьница...

Хотя школьница в такой ситуации не худший вариант. «Мне можно дать все пятьдесят, – с грустью констатировала она. – И какой жалкий вид... неудивительно, что он со мной так возится». Джиллиан захотелось умыться, и она огляделась в поисках туалета. Ничего подобного не просматривалось – возможно, из-за большого количества людей, стоявших в основном группами.

Взгляд зацепился за мужчину, который показался ей знакомым. Моложе Джиллиан, лет тридцать пять, не больше. Он сидел за пивным бокалом рядом с другим мужчиной и смотрел на нее. Джиллиан почти не сомневалась, что знает его, и спустя несколько секунд вспомнила. Мужчина жил на той же улице, что и она, но в другом конце, с братом и невесткой. Том консультировал его брата по делам наследства, а потом еще как-то заметил, что они странные люди.

Джиллиан робко улыбнулась мужчине. Здорово все-таки... А ведь кто-то только что утверждал, что она не встретит здесь никого из знакомых. Вот как, выходит, можно ошибиться...

Сегодня вечер пятницы, и Джиллиан, заплаканная, оказалась в пабе с незнакомым мужчиной, да еще встретила соседа... Нет, все-таки в этой жизни иногда происходят чудеса.

Молодой человек так же застенчиво улыбнулся в ответ. Он выглядел удивленным не меньше ее. Джон Бёртон вернулся с двумя высокими бокалами.

– Быстрее не получилось, – оправдывался он. – Вы уже акклиматизировались?

– Да, и увидела, как ужасно выгляжу. Простите еще раз.

– Мы договорились, кажется, что вы больше не будете извиняться. – Он поднял бокал. – Ваше здоровье!

Джиллиан глотнула, потом еще и еще. Бренди обжег желудок. Наверное, Джиллиан ошиблась, когда его выбрала. Да еще эта публика... И это был не двойной бренди, как минимум четвертной. Джиллиан вспомнила, как мало съела за сегодняшний день. Сначала нужно было отвезти дочь домой, а потом напиться... Но эти мысли Джиллиан сразу отбросила и сделала еще глоток. Расслабиться – вот все, чего она сейчас хотела, и алкоголь для этого – лучшее средство. Забыть, дистанцироваться от забот, страхов, печали...

– Можете рассказать, что вас так тяготит? – спросил Джон спустя некоторое время.

Собственно, почему бы и нет...

– В двух словах, – начала Джиллиан. – Моя дочь отстранилась от меня, потому что я задушила ее своей опекой. Мой муж не воспринимает меня всерьез... В общем, все, наверное, как и должно быть.

Она попыталась рассмеяться, но Джон Бёртон смотрел серьезно.

– О вашем муже мне сказать нечего, но дочь я знаю достаточно хорошо. Мне нравится Бекки. Она спортивна, амбициозна и обладает командным духом. Кроме того, это сильная, независимая личность. Возможно, дело в возрасте. Бекки взрослеет, ей приходится отстаивать свою индивидуальность. В конце концов все будет хорошо.

– Вы уверены? – спросила Джиллиан, потрясенная ясностью объяснения.

Он кивнул.

– Готов спорить на что угодно.

– Спасибо.

Джиллиан не могла поверить. Тучи рассеялись. Не то чтобы ей сразу стало хорошо, но, вне всякого сомнения, что-то изменилось. Этот человек воспринял ее всерьез и тем не менее попытался утешить. В отличие от Тома, сводившего все ее проблемы к нездоровым фантазиям. Или Тары, которая сразу принималась строить такие сложные диагнозы, что у Джиллиан кружилась голова. Наконец, в отличие от Дианы, для которой жалобы Джиллиан служили лишним подтверждением незамутненности собственного материнского счастья.

Впервые у Джиллиан возникло чувство, будто ей действительно помогли.

– Вы хорошо понимаете детей, – сказала она.

– Я кое-что понимаю в спорте. Человек хорошо раскрывается в командных играх, не важно, подросток или взрослый. В конечном итоге на поле люди ведут себя так же, как в обычной жизни.

Джиллиан с интересом посмотрела на собеседника.

– Это правда, что вы ушли из Скотланд-Ярда?

Бёртон сразу будто закрылся:

– Да.

Стало ясно, что он не горит желанием беседовать о прежней работе, тем более обсуждать обстоятельства увольнения.

Тогда Джиллиан решила задать полицейской теме иное направление:

– Что скажете об этом ужасном убийстве в Хакни?

– Мне нечего добавить к тому, что пишут в газетах.

– Но вы занимались такими вещами профессионально...

– Да, но не этим конкретным случаем. Полиция замалчивает способ убийства – крайне необычный, судя по всему, и это делается в интересах следствия. Я читал только, что жертва не была ни ограблена, ни изнасилована. То есть дело не в деньгах и не в сексе. Так, по крайней мере, это выглядит.

– Выглядит?

– Садистская манера убийства указывает на то, что сексуальные мотивы все же могли сыграть определенную роль.

– Это может повториться? Я имею в виду, есть указания на то, что будут еще жертвы?

– Возможно. Мотивы неясны, но даже когда злоумышленник таким образом сводит личные счеты, вне сомнения, его нужно рассматривать как бомбу замедленного действия. Потому что, бесспорно, это очень необычный способ улаживания конфликтов.

– Как страшно... – прошептала Джиллиан. – После таких новостей остается удивляться тому, что мы до сих пор живы.

– Все прояснится. Большинство преступлений в конце концов раскрывается.

– Но не все?

– Не все, – признался Бёртон.

– Поэтому вы и ушли из полиции? Ужасно, наверное, каждый день сталкиваться с насилием, не имея возможности восстановить справедливость?

Бёртон снова замкнулся в себе:

– Тому были свои причины.

Потом допил бокал и взглянул на часы:

– Боюсь, нам пора возвращаться в клуб. Не то чтобы меня туда тянуло, но наше отсутствие может навести людей на неправильные мысли.

В этот момент Джиллиан вдруг осознала, что не сводит с него глаз. Что она не просто смотрит на Бёртона, но буквально впилась в него взглядом. Все осталось как было – и шум, и люди вокруг, но словно невидимая стена отгородила ее и Бёртона от остального мира.

«Это все бренди, – подумала Джиллиан. – Я переборщила со спиртным».

– Что за мысли? – спросила она неожиданно резким тоном, которого сама испугалась.

Флиртовать – совершенно не в ее стиле. Джиллиан в жизни не занималась ничем подобным.

– Я думал, вы догадаетесь, – ответил Джон, вставая.

Голос его оставался спокоен, но Джиллиан показалось, что Бёртон раздражен. Вздвигаясь, по крайней мере. Возможно, он нашел ее вопрос глупым. Или же Джиллиан задела бывшего полицейского за живое, затронув тему прежней работы... Так или иначе, стена, ненадолго обеспечившая их тет-а-тет, была разрушена. Оба снова стали частью этого мира – толпы, смеха, звона бокалов, запахов алкоголя, пота и влажной верхней одежды.

На пути к выходу, когда они близко подошли к столику, где сидел мужчина с улицы Джиллиан, она вдруг вспомнила его фамилию и имя. Сигал. Самсон Сигал.

– До свидания.

Он кивнул, не сводя с нее глаз. Как и в тот момент, когда Джиллиан впервые его увидела. Невольно в голову закралась мысль, не смотрел ли он на нее так все это время.

Суббота, 5 декабря

Инспектор Филдер обещал жене съездить в город за рождественскими покупками, но неожиданно был вызван на место преступления, в квартиру погибшей Карлы Робертс.

Филдер просил понимания, но сжатые губы жены предвещали тяжелые выходные, с непременными дискуссиями о жизненных приоритетах. Совершенно бесполезными, поскольку для следователей каждая минута была на вес золота.

Коллеги уже прочесали дом, где жила Карла Робертс. Говорили с жильцами. Оставляли номера телефонов, на случай если кто-нибудь что-нибудь вспомнит. Все было без толку. Никто из них не был лично знаком с Карлой Робертс. Те же, кто мог хоть что-то вспомнить, описывали ее как тихую, замкнутую женщину, которая вежливо здоровалась при редких встречах с соседями, но инициативы завязать более близкое знакомство не проявляла.

– По-моему, она вообще не выходила из квартиры, – сказал мужчина с шестого этажа. – Исключительно нелюдимая особа. И совершенно одинокая. Никто из нас ничего не почувствовал, когда ее не стало.

Филдер задался вопросом, не это ли сделало Карлу Робертс жертвой. Ее изоляция не только облегчила работу убийце, но и дала ему хорошую фору до начала полицейского расследования. Обстоятельства жизни Карлы Робертс ясно указывали, что ее хватятся не сразу. Каждый день, каждый час до того, как заработает следственная машина, дает преступнику неоценимое преимущество. И существенно осложняет работу полиции.

Эти размышления снова и снова возвращали Филдера к версии, озвученной им в прошлую среду в гостиной Киры Джонс. А именно, что преступник не имел ничего против Карлы Робертс персонально, что у него проблемы с женщинами вообще. И он выбирает тех из них, чей образ жизни упрощает его задачу.

В известном смысле этот вариант был наихудшим для следствия. Ведь если между Карлой Робертс и ее убийцей не существовало никакой личной связи, поиск преступника оборачивался блужданием в тумане. Но кое-что свидетельствовало против этой версии: Карла Робертс сама впустила преступника в квартиру. То есть должна была его знать, хотя бы в лицо.

Детектив-сержант Кристи Макмарроу направилась к Филдеру, как только он вышел из машины. Филдер ценил в Кристи преданность полицейской профессии, неутомимость и амбициозность. Такие, как она, готовы работать днем и ночью. Кроме того, он находил Кристи привлекательной женщиной, осознавая при этом, что не должен думать о ней в этом ключе.

– Звонил столяр, сэр, – сообщила она. – Думаю, вам имеет смысл с ним разобраться.

Маленький краснолицый мужчина стоял перед входной дверью и тяжело дышал. Филдер уже говорил с ним. Спрашивал насчет лифта сразу после разговора с Кирой Джонс. Со слов мужчины выходило, что лифт не мог подняться на какой-либо этаж без соответствующей команды. И если Карла Робертс часто замечала его на восьмом этаже, значит, кто-то его туда намеренно отправлял. Или же поднимался в лифте сам, но не выходил, каким бы странным ни казалось инспектору такое поведение.

– Что-то не так с входной дверью, инспектор, – начал столяр и показал в сторону подъезда. – Странно только, что я не замечал этого раньше. Обычно она сама захлопывается за вошедшим, и замок срабатывает автоматически. Раз или два я замечал, что она открыта; думал, это небрежность. И только сегодня мне пришло в голову, что причина может быть в другом... и я сразу позвонил вам.

– И правильно сделали, – одобрил Филдер и внимательно оглядел дверь.

На память пришли слова Киры Джонс, что дверь в подъезде, где жила ее мать, стояла открытой.

– И почему эта мысль пришла вам только сегодня? – спросил инспектор.

Мужчину явно смутил его вопрос.

– Потому что я долго размышлял над всем этим... я имею в виду эту ужасную историю. Тут-то меня и осенило, что с дверью не все так просто. Там пружина, и, если вы просто войдете в подъезд, дверь закроется за вашей спиной и замок сработает, как я уже сказал, автоматически. Чтобы этого не случилось, ее нужно придержать, а потом осторожно прикрыть. Понимаете? Меня самого удивило, насколько я был глуп. Получается, каждый входивший осторожно прикрывал дверь за собой, чтобы она не захлопнулась. Зачем? Полный абсурд.

– В самом деле, – согласился Филдер. – Значит, механизм с пружиной сломан?

Столяр кивнул.

– Дверь не захлопывается, а закрывается медленно. Поэтому замок и не срабатывает.

– Давно?.. Или так, когда вы впервые это заметили?

– Не так давно... Ну, может, с месяц.

Филдер повернулся к Кристи:

– Пусть криминалисты осмотрят дверь. Что именно вызвало такой дефект? Является ли поломка следствием износа механизма или тут другая причина?

– Хорошо.

– Положим, кто-то сломал входную дверь, чтобы беспрепятственно проникать в дом. Далее он затевает эту игру с Карлой Робертс – время от времени отправляет на восьмой этаж пустой лифт. А месяц спустя поднимается в лифте сам. Идет к двери, звонит, и его впускают. Могла ли она так поступить? То есть насколько вероятно, что Карла Робертс открыла дверь не глядя, только потому, что в нее позвонили? С учетом того, что на восьмом этаже она жила одна.

– Может, она до того видела убийцу в доме, хотя бы раз или два, – предположила Кристи, – и приняла его за жильца. Вы открыли бы в таком случае, не так ли?.. Хотя, с учетом того, что в этом доме никто никого не знает, ответ не очевиден.

Филдер рассеянно кивнул. Слишком много неясностей в этом деле. До сих пор не удалось выйти даже на бывшего мужа Карлы Робертс. Если он действительно живет за границей, возможно на другом континенте, поиски могут затянуться. Правда, в этом случае он вряд ли имеет какое-либо отношение к смерти бывшей жены.

Поиски его возлюбленной также зашли в тупик. Ее личность была установлена, но по последнему известному адресу она проживала много лет тому назад. Филдер подозревал, что она уехала за границу вместе с бывшим мужем Карлы Робертс.

Инспектор устало провел ладонью по лицу.

– Нужно срочно прояснить личную жизнь Карлы Робертс. Должен же быть кто-то, с кем она хоть изредка встречалась, может, ходила в кино... У вас есть что-нибудь об этом?

– Пока нет, – грустно призналась Кристи. – Дочь почти ничего не знает о личной жизни матери. У меня есть записная книжка убитой, и там несколько фамилий, которые стоит проверить. По словам дочери, это в основном сотрудники аптеки, где когда-то работала Карла Робертс. Может, это нам что-нибудь даст?

– Попробуйте, – пожал плечами Филдер.

Его не особенно обнадеживала эта записная книжка. Коллеги по работе, которую Карла оставила много лет тому назад, – что это может дать?

Но Кристи он этого не сказал. Не хотел раньше времени разочаровывать сообразительную и деятельную помощницу.

Понедельник, 7 декабря

– А ты пробовала поговорить об этом с Бекки? – спросила Тара. – Я имею в виду, как-нибудь донести до нее, что ты воспринимаешь ее всерьез. Если ей не нравится, что ты обращаешься с ней как с ребенком и она бунтует, то с годами ситуация только усугубится. Вы должны как-то договориться.

– Тара, может быть, я и обращаюсь с Бекки как с ребенком, но она и есть ребенок. Ей двенадцать лет. Я знаю, что Бекки считает себя взрослой, но в этом она, к сожалению, ошибается.

– Сейчас дети взрослеют быстрее. Я не говорю, что ты должна позволять Бекки делать все, что ей вздумается, но не преувеличивай проблемы.

– Я этого и не делаю. Просто всякий раз, когда я пытаюсь объяснить с Бекки, мы оказываемся по разные стороны баррикады. Бекки упорно не хочет меня слышать, даже не пытается взглянуть на вещи с моей точки зрения. Поэтому ничего и не меняется.

– Вспомни себя в ее возрасте, – ответила Тара. – Ставила ты себя в двенадцать лет на место своей матери?

Они сидели на кухне Джиллиан. Был вечер понедельника. Бекки после школы сразу ушла к Дарси. Джиллиан в лондонском офисе допоздна разбиралась с одним скандальным клиентом. Потом поехала за покупками и, только выставила на стол пакеты с продуктами, кормом для Чака и наполнителем для кошачьего туалета, как позвонила Тара. Она допрашивала в Шоберинессе свидетеля, который, по ее словам, играл ключевую роль в актуальном на сегодняшний день расследовании, и на обратном пути решила заглянуть к Джиллиан, о чем и сообщила по телефону.

Спустя пару минут Тара уже стояла в дверях – как всегда, несколько напряженная и совершенно неотразимая в своем темно-синем брючном костюме, бежевых сапогах из дорогой кожи и такого же цвета пальто. Джиллиан, к тому времени успевшая накормить голодного Чака, лихорадочно рассортировала оставшиеся покупки и пригласила Тару за стол.

– А с Томом у нее как? – спросила Тара, имея в виду Бекки.

– С Томом? Прекрасно! – ответила Джиллиан. – Но в этом-то как раз нет ничего удивительного. Том редко бывает дома, и в эти немногие часы может позволить себе быть папой мечты, который все разрешает дочери и даже сам участвует в ее безумствах. Черная работа остается на мою долю.

Тара внимательно посмотрела на подругу:

– А у тебя как с ним... ну, с Томом?

Джиллиан глубоко вздохнула.

– Ничего хорошего. Ну, то есть... в общем и целом, все не так плохо... По крайней мере, мы не ругаемся. Мы вообще редко друг с другом разговариваем. Он почти не бывает здесь, как я уже сказала. Целый день занят то в нашем лондонском офисе, то в теннисном клубе. Остается не так много времени.

– То есть он все тот же заядлый спортсмен, что и раньше?

– Даже хуже. Приходит домой только переодеться – и на корт. Другие пьют пиво, чтобы снять напряжение после работы, а ему надо выпустить пар... По мне, так лучше бы пил, только дома. Но он ведь не только ракеткой машет. Есть еще нетворкинг, разные клубные мероприятия... Они собираются каждый вторник, и Том ни за что не пропустит очередной встречи, даже если я буду лежать при смерти... Не уверена, что ему нравится ходить в клуб, но, говорят, прогульщиков там не одобряют.

– И почему бы тебе не пойти вместе с ним?

– Я ведь не играю в теннис, а они ни о чем другом там не говорят. И потом, мне не нравится оставлять Бекки одну. Только не вечером.

Тара улыбнулась:

– Ты наседка.

Это прозвучало ласково. Джиллиан улыбнулась в ответ.

Они познакомились на курсах французского языка в Лондоне лет пять тому назад. Джиллиан решила освежить свой школьный французский и записалась в языковую школу. Тара, проработавшая несколько лет адвокатом в Манчестере, незадолго до того была принята в лондонскую прокуратуру. Так уж получилось, что первое дело, легшее на ее стол на новом месте, требовало хорошего знания французского. И Тара пошла учиться – характерное для нее поведение в подобных ситуациях.

На занятиях женщины сидели рядом и сразу прониклись взаимной симпатией. Так они стали подругами.

– Но... ты только не сердись на меня, ладно?.. Такое ведь невозможно, чтобы у Тома был роман на стороне?

– У Тома? Никогда в жизни! – ужаснулась Джиллиан.

И в этот момент одновременно произошли две вещи: зазвонил телефон и зажглась рождественская гирлянда на кухонном столе, подключенная к таймеру.

– Боже ты мой! – Тара ухмыльнулась, она ненавидела Рождество.

– Извини.

Джиллиан поспешила к телефону в коридоре и представилась в трубку:

– Джиллиан Уорд.

– Это Джон Бёртон. Не помешал?

Джиллиан удивило, что звук его голоса вызвал странное покалывание в животе. Что-то внутри напряглось, и этого ощущения у нее давно не было. На ум пришли слова незнакомой женщины на вечере в гольф-клубе: «Я стараюсь не давать волю фантазиям». «К чему бы это?» – спросила себя Джиллиан.

– Я только хотел узнать, как вы добрались домой в пятницу...

– О, спасибо. Все нормально.

Джиллиан ждала. Она сама слышала, как неестественно-возбужденно звучит ее голос. И Тара, конечно, насторожилась.

– Тут еще вот что... – продолжал Бёртон. – В среду вечером я снова собираюсь в тот паб. Буду рад и вас там видеть.

Джиллиан была ошарашена. В пятницу она слишком много выпила и флиртowała с Джоном Бёртоном самым бесстыдным образом. Она чувствовала, что расстроила его, и успокоилась за выходные одной-единственной мыслью, что такое было в первый и последний раз. До того Джиллиан, во всяком случае, удавалось привозить дочь в спортзал и забирать ее оттуда, не вступая в разговоры с тренером. Да это было бы и затруднительно, при всем ее желании, поскольку Бёртона вечно осаждали толпы восторженных родительниц.

Так оно и должно было продолжаться в будущем. Пятница была ошибкой, случайностью, которая скоро забудется. Да, Джиллиан разрыдалась, поэтому выпила, флиртowała – все одно к одному. Бёртон не мог этого не понять. А если все-таки не понял, какое ей до этого дело?

– В среду? – переспросила она.

– Да, я буду там около семи, сразу после тренировки в группе юниоров.

Бекки пока посещала детскую группу, и в среду у нее тренировки не было.

– Даже не знаю... – замялась Джиллиан.

– Я не тороплю вас с ответом, – сказал Бёртон. – Так или иначе, я там буду. А вы можете сомневаться до последней минуты.

– Зачем?

Это было единственное, что пришло ей в голову.

– Зачем что?

Было затруднительно беседовать в присутствии Тары, но если Джиллиан и дальше продолжала бы выдавливать из себя несвязные слова, у Бёртона могло сложиться впечатление, что на большее она не способна. Нужно было срочно менять стиль общения.

– Почему вы хотите со мной увидеться? – спросила она.

– Потому что нахожу вас интересной, – просто ответил Бёртон, чем окончательно поставил Джиллиан в тупик.

– Хорошо, я подумаю, – сказала она.

– Договорились.

«Он уверен, что я приду», – подумала Джиллиан.

– Ну, тогда до встречи, которая все-таки не исключена, – попрощалась она.

– До встречи.

Он повесил трубку.

«Какой ты все-таки самоуверенный», – мысленно добавила Джиллиан.

– Кто это был? – тут же поинтересовалась Тара. – Не хочу тебя смущать, Джиллиан, но ты так покраснела... Что произошло?

– Это был Джон Бёртон, тренер Бекки по гандболу.

– И что?

– Он хочет встретиться со мной в среду вечером в пабе.

Взгляд Тары стал подозрительным.

– Больше ты мне ничего не хочешь рассказать?

Джиллиан застыла на месте. Лицо ее горело, она это чувствовала.

– Пока нет. Между нами не было ничего, о чем можно рассказать, и я понятия не имею, будет ли.

Тара хмыкнула. Совершенно очевидно, что она ни на минуту не поверила в то, что отношения подруги и тренера были настолько невинны, какими Джиллиан пыталась их представить. И в то же время ясно понимала, что сегодня она больше ничего не узнает.

Тара посмотрела на часы, схватила сумочку и встала.

– К сожалению, мне пора. Еще одна встреча.

– Трудная? – спросила Джиллиан.

– Возможно. – Тара пристально посмотрела на подругу. – И ты пойдешь?.. В среду?

Джиллиан пожала плечами.

– Пока не знаю... Можно я скажу Тому, что иду на встречу с тобой?

На лице Тары появилась озорная улыбка.

– Договорились. Я обеспечу тебе алиби на любой день, дай только знать.

Джиллиан проводила ее до подъезда. Она только что ступила на тропу обмана и сделала по ней первый шаг, попросив подругу свидетельствовать против правды.

На улице было темно и холодно. Украшенные к Рождеству дома сияли огнями, словно перемигивались.

– Ради Бекки – не сдавайся, – сказала Тара. – Я не психолог, но могу предположить, что она сильно страдает. То, что ты несчастлива, видно невооруженным глазом. Бекки это не нравится. Детям нужны счастливые матери.

– Но...

– Не у всех матерей получается быть счастливыми, – перебила ее Тара. – Детям приходится приспосабливаться.

– Надеюсь, она приспособится. Я тут подумала, что недолгая разлука пойдет нам на пользу... После Рождества мы отправим Бекки к моим родителям. Отдохнем друг от друга.

Так было принято уже на протяжении многих лет. Бекки жила у бабушки с дедушкой с 26 декабря по первые числа января. Традиция восходила к тем временам, когда Джиллиан

и Том участвовали в новогодних балах или сами куда-нибудь уезжали. Всего этого они давно уже не делали.

– Думай не только о ней, но и о себе, – сказала Тара. В свете уличного фонаря ее лицо выглядело озабоченным.

Мужчина прошел мимо садовой ограды, мельком взглянув на двух женщин, и скрылся в темноте.

Тара покачала головой:

– Опять он...

– О ком ты?

– Он околачивался здесь, когда я к тебе только приехала.

– Уверена? Здесь так темно...

– Тем не менее мне удалось разглядеть его лицо. Он и раньше здесь бродил.

Джиллиан посмотрела вслед мужчине.

– Похоже, это Самсон Сигал, – сказала она.

Джиллиан вспомнила, что тоже видела его здесь и теперь узнала со спины по походке.

– Он милый и совершенно безобидный. Живет в другом конце улицы.

«И шляется по барам в самое неподходящее время», – мысленно добавила она.

– Сейчас так беспокойно... – Тара покачала головой. – Столько сумасшедших бродит по городу!

Джиллиан рассмеялась:

– И я бы, наверное, думала так же, если б работала прокурором.

– Все-таки будь с ним осторожна, – предупредила Тара, открывая дверцу своего темно-зеленого «Ягуара».

Джиллиан проводила взглядом ее машину. Вернувшись домой, обула зимние сапоги и надела пальто. Нужно все-таки забрать Бекки от Дарси. Осторожность никогда не помешает, здесь Тара права.

Вторник, 8 декабря

1

Он купил сосисок, пару собачьих крекеров, и заманить дворнягу действительно получилось. Самсон прекрасно представлял себе их возможные маршруты, поэтому в то утро и не остался разочарован. Пес бежал по лугу, когда хозяйки еще не было видно. В распоряжении Самсона было не больше минуты, прежде чем молодая женщина покажется из-за деревьев. Он спрятался за кустами на краю опушки, достал сосиску и зачмокал губами:

– Ну, давай же. Иди сюда, у меня для тебя кое-что есть.

Как зовут псину, Самсон не знал. Никогда не слышал, чтобы хозяйка ее звала. Оставалось надеяться на собачье любопытство. Остальное сделает мясной запах.

Животное действительно тут же прыгнуло на Самсона и приветствовало его как старого друга. Пес проглотил сосиску не разжевывая и, полный ожиданий, последовал за незнакомцем. Самсон сделал крюк, пытаясь отстраниться. Его не должны были видеть с этой собакой.

Где-то в стороне раздался голос хозяйки:

– Джаз! Джаз, где ты?

Значит, Джаз. У большого, лохматого зверя появилось имя. Самсон взял следующую сосиску:

– Смотри, Джаз!

Жадность победила, и пес побежал за Самсоном, пока тот не решился схватить его за ошейник и увлечь за собой. Они добежали до конца лужайки и перешли дорогу, чтобы по краю обширного поля для гольфа повернуть туда, откуда начали путь. Самсон предположил, что хозяйка Джаза первым делом спустится к реке, то есть в том направлении, куда удалась собака. Конечно, женщина боится, что Джаз выйдет на проезжую часть у перекрестка, где может стать жертвой аварии. Поэтому Самсон некоторое время бродил возле гольф-клуба и только потом появился на берегу.

Ему предстоял долгий холодный день. Декабрь – не лучшее время для таких прогулок, но не сидеть же дома в ожидании лета... Последний разговор с Бартеком сильно на него подействовал. Терять связь с реальной жизнью, превращаться в сумасшедшего, придаваться пустым мечтам никак не соответствовало планам Самсона. Нужно действовать, проявлять инициативу – в этом Бартек прав.

Идея с Джазом пришла Самсону позавчера ночью, и он нашел ее блестящей. Похитить собаку, придержать до вечера, а потом вернуть отчаявшейся владелице. Объяснить, что подобрал, встретил на улице случайно. Она, конечно, станет горячо благодарить, пригласит к себе, угостит кофе. И кто знает, может, из этого и получится нечто большее...

Джаз съел вторую сосиску и все крекеры и начал проявлять беспокойство. Он хотел вернуться домой. Самсон вытащил из брюк ремень и продел под ошейник наподобие поводка. При этом ласково уговаривал собаку успокоиться:

– Потерпи немного. Скоро будешь дома, обещаю. Если б ты только знал, как мне тяжело расстраивать твою хозяйку... Но представь себе только, Джаз, как она будет счастлива, когда увидит нас с тобой на пороге своего дома. Очень может быть, что я ей понравлюсь. Меня никогда еще не любила женщина, понимаешь?

Джаз внимательно выслушал и вильнул хвостом. «Как все-таки приятно бывает поговорить с собакой, – подумал Самсон. – У Джаза такой сосредоточенный взгляд, словно он действительно все понимает... И можно быть уверенным, что он не поднимет тебя на смех, не станет ерничать и главное – все сохранит в тайне».

– Я всегда хотел собаку, – пробормотал Самсон. – Но сначала родители были против, потом Милли...

При звуках этого имени ненависть комочком пламени обожгла желудок. Милли – вечно недовольная и бесчувственная. Одним своим видом она напоминала Самсону, кто он есть на самом деле – жалкий неудачник. Пятое колесо, ненужный балласт. Тот, кто ничего не добился в жизни.

– У нас все решает Милли, – пожаловался он Джазу. – Дом принадлежит нам с братом, но Гэвин давно у нее под каблуком. Не возьму в толк, как он мог жениться на этой фурии. Хотя раньше она была симпатичней...

Гэвин никогда не имел проблем с женщинами. Не то чтобы они слетались на него как мухи на мед, но и не обходили по широкой дуге. У Гэвина почему-то всегда получалось во всем строго держаться в рамках нормы. Он был незаметным, среднестатистическим во всех отношениях. Посредственность – большинство людей обиделись бы на такую характеристику. Они понятия не имели, каково быть тем, кто ни в чем не достиг уровня «нормы» и кого на этом основании все кому не лень топчут ногами.

– Я нахожу твою хозяйку очень симпатичной, – признался Самсон Джазу. – Честно говоря, Джиллиан мне нравится больше, но она замужем.

Джаз негромко заскулил. Самсон погладил его лохматую голову.

– До сих пор твоя хозяйка меня не замечала, но сегодня все изменится. Не бойся, малыш. Вечером ты ее увидишь.

Они дошли до парковки гольф-клуба. Там стояла только одна машина, поэтому Самсон и решился обойти клубное здание. Темные окна свидетельствовали, что внутри никого нет. На входной двери висела афиша рождественского бала в ближайшую субботу. Организатор мероприятия, если верить пронзительно алым буквам, – известный лондонский адвокат Логан Стэнфорд. Кульминацией вечера должна стать беспроигрышная лотерея в пользу бездомных детей России.

Самсон знал имя Логана Стэнфорда из многочисленных рекламных буклетов, которые Милли разбрасывала по всему дому. Стэнфорд был чрезвычайно успешным адвокатом и имел связи с самыми богатыми и влиятельными людьми страны, вплоть до Даунинг-стрит. Известность ему принесли и громкие благотворительные акции, которые Стэнфорд организовывал по всему миру. За ним даже закрепилось прозвище Благотворитель Стэнфорд, которому адвокат всячески стремился соответствовать. Он делал щедрые пожертвования в пользу тех, кто действительно в этом нуждался, и все-таки Самсон относился к нему крайне настороженно.

На глянцевой обложке журнала «Хелло!» Логан Стэнфорд выглядел до неприличия самодовольным, в окружении гостей с неживыми от ботокса лицами. Изысканные вечерние платья, мерцающие украшения и шампанское до упаду... Эти люди всегда действовали в собственных интересах, тем не менее их деньги работали и на бездомных.

– Ну и что с того? – спрашивала Милли, замечая, с каким недоверием Самсон разглядывает глянцевые снимки. – Что с того, что им весело? Кого это волнует? По крайней мере, они хоть что-то делают для других.

Самсон и сам не смог бы объяснить, что именно его смущает. Его неприязнь была связана со смутным чувством, будто эти люди делают рекламу даже из нищеты и человеческого горя. Иначе при чем здесь были бы русские беспризорники? Они, в сознании Самсона во всяком случае, совершенно не увязывались с тем, что он видел на обложке. С другой стороны, деньги есть деньги, и они работают вне зависимости от того, с каким сердцем делается пожертвование. Все остальное – пустые домыслы, Милли права.

Побродив некоторое время возле здания клуба, Самсон наконец решился спуститься к реке, несмотря на риск столкнуться с обезумевшей от горя хозяйкой Джаза. Собственно, эта

встреча особых неприятностей Самсону не сулила. Он всегда мог отговориться тем, что только что подобрал собаку и собирался вернуть ее владелице.

Самсон без помех добрался до берега. Песок был тяжелый и мокрый, над водой, как темная туча, нависал туман, из которого доносились приглушенные крики чаек. В сравнении с тем, какая температура держалась последние дни, потеплело. Но хуже холода была сырость, проникавшая сквозь одежду и пробиравшаяся до костей.

Они пошли вдоль берега, мимо запертых купальных кабинок с разукрашенными фасадами и резными украшениями на крышах. Куда ни глянь – ни души. Джаз как будто смирился со своей участью и покорно трусил рядом с Самсоном, время от времени обнюхивая выброшенный на берег рекой мусор. Или задира лапу, обнаружив что-нибудь особенно интересное. Увлеченный прогулкой, он как будто на время забыл о своем беспокойстве.

Самсон ругал себя за то, что не догадался припарковать машину где-нибудь поблизости. Надо же быть таким идиотом! Собирался гулять до позднего вечера и даже не позаботился о месте, где можно было бы согреться... Чем позже Самсон вернет Джаза хозяйке, тем больше будет ее благодарность, но к тому времени можно и подхватить грипп. Как всегда, он поступил очень умно, умнее не бывает!

Между тем спустя некоторое время, показавшееся Самсону вечностью, они с Джазом достигли мыса в устье Темзы. Здесь, в Шоберинессе, были чудесные побережья и луга, перемежающиеся с оборонительными укреплениями, при помощи которых Англия пыталась защититься от возможного немецкого вторжения в последнюю войну.

Самсон хорошо знал эти места. В детстве они с Гэвином часто играли здесь, хотя до Торп-Бэй довольно далеко. Гэвин приводил друзей. Самсона тоже брали в игру, потому что на этом настаивала мама. Приятели Гэвина ворчали, но подчинялись. Уже тогда Самсон понял, каково быть изгоем.

Он вспомнил, что говорил Джазу возле гольф-клуба, – что находит его хозяйку очень симпатичной. Это было неправдой. Зачем вообще понадобилось так откровенничать с собакой? То есть нельзя сказать, что эта женщина была некрасивой, но точно не из тех, чей взгляд заставляет сердце биться чаще. Не вокруг нее крутились мысли Самсона, когда он ночью лежал в постели, уставившись в потолок, узоры на котором едва просматривались в свете уличного фонаря. Из всех, кого Самсон встречал во время прогулок, хозяйка Джаза была единственной женщиной примерно его возраста. И она точно жила без мужчины. Самсон уже видел, как Бартек выгибает бровь и задает самый естественный в этой ситуации вопрос: какого черта Самсон себя так ограничивает? Почему единственная подходящая женщина в этой прилегающей к его дому части города представляется ему единственной в целом свете? И далее снова пускается в рассуждения о возможностях интернета...

Как будто Самсон не знает этого без него! Более того, пару раз он уже знакомился с женщинами таким способом. Эти встречи оставили после себя самые тягостные воспоминания. Самсон понятия не имел, чем увлечь женщину, и уже спустя несколько минут оказывался в шкуре несносного зануды. Так он это чувствовал, по крайней мере. И после этого начинал заикаться или вдруг переходил на разные немыслимые в приличном обществе темы. Когда же дама узнавала, что Самсон живет с братом и невесткой, окончательно теряла к нему интерес. И безработица, конечно, не улучшила бы ситуацию.

Они покинули пляж и пересекли большую парковку, летом довольно оживленную и пустынную сейчас. Углубились в город и достигли парка – обширного и почти не затронутого цивилизацией, несмотря на множество пересекавших его дорожек. Луга, небольшие перелески, обширные поляны с травой, выглаженной ветрами Северного моря... Этот парк, частично закрытый для широкой публики, был природным заповедником и поистине райским местом для бесчисленных видов птиц.

Самсон вспомнил школьные походы, обычно заканчивавшиеся здесь пикниками с грилем. Как нанизывали сосиски на собственноручно выструганные прутики и подносили к огню. Как открывали принесенные с собой пластиковые контейнеры с картофельным салатом и бутылки с яблочным соком. И все веселились и радовались жизни. Один только Самсон скучал в ожидании конца праздника. Он и там был чужой. Сидел в обнимку с рюкзаком, любовно собранным матерью.

Уже по тому, как мать снаряжала его на экскурсии, Самсон мог видеть, как она его любит. Мать желала ему добра и приятной компании, но ее власть ослабевала с каждым годом. Когда Самсон был маленький, она еще могла заставить других детей возиться с ним. Но по мере того как он рос и взрослел, это срабатывало все хуже. К тому времени, когда Самсон превратился в прыщавого подростка, мать уже ни в чем не могла ему помочь. Только не с девушками, во всяком случае.

Самсон опустился на скамейку, Джаз примостился рядом. Туман окутал их со всех сторон, закрыв обзор. Даже море исчезло за его густой, влажной пеленой. Самсон думал о Джиллиан Уорд. Собственно, в последнее время он только этим и занимался, и это были мысли, каких не принято допускать в отношении замужней женщины. На днях он снова прогуливался возле ее дома. Видел подругу Джиллиан и саму Джиллиан мельком. С некоторых пор он посвящал этой женщине все свое время.

– Я никогда не смогу жениться на ней, – пожаловался Самсон Джазу. – У Джиллиан есть муж и ребенок. Уорды – идеальная семья. Такую нельзя разрушать.

Джаз склонил голову набок, как бы обдумывая услышанное.

Идеальная семья... Самсон почти испугался, когда увидел Джиллиан в баре в пятницу вечером. Одна, без семьи, как она там оказалась? И что за мужчина сидел рядом с ней? Никогда прежде Самсон не встречал его с Уордами и возненавидел с первого взгляда.

Впрочем, Самсон, как всегда, попытался проанализировать свои чувства. Может, он просто ревновал? Или же это зависть взяла верх над ним, потому что с первого взгляда было ясно, что собеседнику Джиллиан достаточно щелкнуть пальцами, чтобы заполучить в постель любую женщину.

Или же эта настороженность Самсона имела более объективные основания и в этом человеке действительно было что-то нехорошее, нечестное и нечистое? Нет, Самсон вовсе не хотел быть несправедлив к нему. Он страстно желал оказаться на месте этого мужчины, но только в воображении. Потому что в действительности предпочел бы тысячу раз умереть.

Сидеть с ней за одним столиком, говорить, пить вино – ничего этого не выйдет без того, чтобы она не почувствовала, насколько он жалок. Самсон не умел быть ни интересным, ни забавным, ни харизматичным. Он заикался, словно спотыкаясь о собственный язык, и портил этим любую мысль или остроту, даже если ее и удавалось придумать. И женщины начинали поглядывать на часы и подавляли зевоту.

У Самсона на лбу выступил пот. Нет, он не допустит такого с Джиллиан. Лучше смерть. Поэтому и стоит начать с кого-нибудь попроще – с хозяйки Джаза, например. Посмотрим, что из этого получится. Главное, чтобы все быстрее закончилось.

Самсон взглянул на часы – девять утра. А ведь он планировал появиться перед ней не раньше наступления темноты. Теперь он проклинал и себя, и свою идею, из которой просто не могло выйти ничего путного.

2

Милли закончила работу в двенадцать и сразу ушла домой. Она не задерживалась в доме престарелых дольше необходимого. Все в этих стенах ее удручало: затхлый запах старости и вид человеческой немощи, бессвязный лепет больных деменцией, длинные коридоры и урод-

ливый линолеум на полу, большие тележки, на которых развозили обед по комнатам. Один вид такой тележки мог отбить у Милли аппетит на весь день. Но это помогало Милли оставаться стройной – едва ли не единственный плюс в ее работе.

Милли выглядела старше своих лет – и сама это понимала. Зато до сих пор могла похвастать хорошей фигурой. В узких джинсах и черном топике с глубоким вырезом, она часами крутилась перед зеркалом в спальне только ради того, чтобы поднять себе настроение. Иначе никогда не выходила бы из депрессии.

Из Тилбери до Торп-Бэй Милли пришлось ехать на поезде. У них с Гэвином была одна машина на двоих, и пользовался ею по большей части Гэвин, потому что иначе ему пришлось бы еще раньше вставать, чтобы успеть в утреннюю смену. Поэтому Милли и раздражала так машина Самсона. Какой черт надоумил все-таки ее покойную свекровь завещать машину неудачнику? Гэвин пытался объяснить жене, что мать очень любила Самсона и считала, что он нуждается в особой заботе.

– Он был проблемным ребенком, вечно погруженным в себя и страшно одиноким. Что бы ни начинал, ничто не выходило толком. И так повелось еще с детского сада. Когда мать умирала, ее последней мыслью было, что станет с Самсоном.

Вспомнив этот разговор, Милли поморщилась. Как все-таки несправедливо все устроено! У Гэвина есть и работа, и жена. В конце концов, он нормальный человек. А машина досталась его незадачливому младшему брату...

Поезд тянулся целую вечность, и Милли приходилось из последних сил сопротивляться мысли о том, как быстро она могла бы доехать до дома на машине. Она не хотела злиться. Милли знала, что именно гнев прорезал на ее лице такие глубокие морщины и придал ему горестное выражение. Гнев состарил ее.

Милли сошла с поезда и быстро зашагала в направлении дома, находившегося довольно далеко от железнодорожного вокзала. Если ранним утром и по вечерам дома в городе сверкали рождественскими огнями, то сейчас, в полдень, все было по-декабрьски серо и мрачно. Голые деревья устали острые, черные ветви в свинцовое небо. Но туман нависал над землей не так низко, как утром, так что ближе к вечеру сквозь него могли пробиться солнечные лучи. С другой стороны, что в них проку, если так рано темнеет... Милли пожалала плечами. Если б у нее были деньги, обязательно уехала бы из Англии в какую-нибудь более теплую, солнечную страну...

Краем глаза Милли заметила незнакомую женщину на безлюдной в остальном улице и вздрогнула, когда та вдруг к ней обратилась:

– Простите... – Высокий, пронзительный голос, полный отчаяния.

– Да? – Милли остановилась.

– Я ищу свою собаку.

Глаза женщины были широко раскрыты, волосы спутаны. Блестящий от пота нос подтверждал, что она не первый час бежит по улицам.

– Джаз, он довольно крупный и лохматый. Помесь немецкой овчарки. Может, видели?

Милли не особенно любила собак.

– Нет. Я только сошла с поезда.

– Он убежал сегодня утром. Было довольно темно, но... ничего не понимаю. Никогда раньше он не делал ничего подобного.

Милли с неудовольствием отметила, что женщина была ее возраста, но даже в таком состоянии выглядела заметно моложе и свежее. Наверное, в отличие от Милли, она любила свою работу.

– Я не видела собаку. Но если она мне встретится, как с вами связаться, мисс...

– Браун. Мишель Браун, – женщина достала из кармана пальто клочок бумаги и маркер и нацарапала несколько цифр. – Вот мой телефон. Заранее благодарна... Джаз, знаете ли, для меня всё.

«Да, не самая завидная доля, пожалуй», – отметила про себя Милли. Потом убрала записку, кивнула Мишель Браун и пошла дальше. То, что собака ей встретится, представлялось Милли крайне маловероятным.

Машина Самсона стояла на подъездной дорожке. Сегодня утром он опять отправился из дома пешком. Милли уже спрашивала его об этом, и Самсон ответил, что экономит бензин, который снова подорожал. Вполне резонный аргумент, тем более для безработного.

Милли отперла входную дверь. Деверя не было, как она и предполагала. В течение нескольких последних месяцев Самсон уходил из дома рано утром и гулял допоздна. И это не могло не вызвать подозрений. Где он все-таки шляется весь день?

В то, что Самсон таким образом ищет работу, Милли не верила. Тем более что для этого не требовалось дни напролет пропадать бог знает где. В понимании Милли поиск работы прежде всего связан с рассылкой резюме. Самсон часто сидел за компьютером, но зачем, во имя всего святого, делать под покровом ночи то, чем с тем же успехом можно заниматься среди бела дня?

Наконец, еще одно. Если человек ищет и не находит работу, он должен получать отказы. Причем на бумаге, которая доставляется почтой. Некоторые могут быть оформлены и в электронном виде, но точно не все. Почту из ящика обычно забирала Милли, и последние несколько месяцев для Самсона ничего не было. Одна-две рекламные брошюры из интернет-магазинов, где он, возможно, когда-то что-то покупал. Но с письменными отказами от потенциальных работодателей эти конверты имели самое отдаленное сходство.

Милли взглянула на часы – четверть второго. Через полчаса Гэвин придет обедать. Сегодня он тоже заканчивает рано. И все-таки у нее есть немного времени. Когда-то Самсон работал курьером по доставке замороженных продуктов, с тех пор товары этой фирмы они покупают со скидкой. К этому, пожалуй, и сводилась вся польза от проживания Самсона в доме.

Недолго думая, Милли поднялась по лестнице. Это был не первый случай, когда она обыскивала комнату деверя, и каждый раз успокаивала себя тем, что Самсон, как человек с явными психическими отклонениями, нуждается в особом контроле.

Гэвин, который вырос с Самсоном и слишком свыкся с его странностями, многого просто не замечал. Другое дело Милли. Уже в тот день, когда Гэвин представил ей брата, она отметила про себя: «С парнем что-то не так». Дальнейшие события только подтверждали этот первоначальный вывод.

Милли позвала деверя и, не получив ответа, решительно вошла в комнату. Она была готова к тому, что ждало ее там, и тем не менее покачала головой. Это была комната подростка, а никак не мужчины тридцати пяти лет.

Здесь царил идеальный порядок – ни пылинки. На гладкой, как стекло, поверхности кровати лежало безупречно расправленное покрывало. Милли всегда удивляло, как ему это удается. Как ни старалась она сделать то же самое в их с Гэвином спальне, ей так и не удалось добиться такого совершенства.

Она оглядела полки, косясь за окно. Оно выходило на улицу, так что Милли могла бы увидеть Самсона, если тому вздумалось бы вдруг вернуться, что все-таки было крайне маловероятно. Милли ждала Самсона только к вечеру.

Она открыла платяной шкаф – классическая молодежная модель из светлого дерева. Там лежали аккуратно сложенные пуловеры, рубашки и джинсы. Вполне пристойно. И все-таки Милли несколько не удивляло, что Самсон до сих пор не смог расположить к себе ни одну

женщину. Причина, помимо застенчивости и заикания, была в его манере одеваться. Самсон выглядел как школьник. Похоже, большую часть этого гардероба сшила или купила его мать.

Но Милли пришла сюда ради компьютера, который стоял на столе. Самсон купил его, еще когда работал в автосервисе и неплохо получал. Плоский и довольно большой экран. Компьютер был единственной современной деталью этого странного интерьера. Самсон сживал за ним часами. Милли так и не удалось выяснить, чем он занимается. Несколько раз она входила к нему без стука, но Самсон всегда оказывался проворнее и сворачивал текст на мониторе, прежде чем Милли успевала что-нибудь увидеть.

Милли прекрасно отдавала себе отчет, насколько неприемлемо то, что она делает, с точки зрения общечеловеческой морали. Но им с Гэвином важно знать, чем занимается Самсон. Безответственность в таких вещах недопустима. Что, если он просматривает сайты с детской порнографией? Когда-нибудь у них с Гэвином будет ребенок...

Милли включила компьютер, и тот стал загружаться с характерным жужжащим звуком. Потом бросила быстрый взгляд за окно – никого. Экран стал синим, и дальше произошло то, чего она опасалась: система запросила пароль.

Ну конечно, он не настолько глуп. Чаще всего в качестве паролей используют имена друзей или родственников, клички домашних питомцев. У Самсона ничего этого не было. Разве что Гэвин... Милли набрала имя мужа, но система не отреагировала. «Вряд ли это мое имя», – подумала она. Но чье же тогда, черт возьми? Сложный вопрос, с учетом всех его странностей. С другой стороны, нелюдимость Самсона значительно ограничивала число возможных вариантов.

Был все-таки один друг, еще со времен автосервиса. Самсон до сих пор встречался с ним в пабе по пятницам. Только вот как его звали? Бартек, кажется... Милли ввела «Бартек», и опять ничего не произошло. Она не хотела сдаваться, потому что никогда еще не заходила так далеко. Тут нужно рассуждать логически. Если только Самсон не использовал какое-нибудь им же выдуманное слово или комбинацию цифр, она должна справиться с задачей.

Милли оглядела комнату, как будто белые стены или чистый палас могли дать ей подсказку. Шкаф, полный свитеров, которые связала мама. Шторы на окнах, сшитые ее руками. Приключенческие книги на полках, подаренные мамой. Только поэтому Самсон и хранит их, хотя давно уже не читает ничего подобного. Вся эта комната – свидетельство любви, пережившей смерть. Трогательной заботы женщины о проблемном, многострадальном ребенке. И боли, которую тот обречен носить в себе, с тех пор как потерял единственного близкого человека.

Свекровь звали Ханна. Милли ввела имя в строку – и Сезам открылся под приглашающе-мелодичную последовательность звуков.

– Что ты делаешь? – спросил голос сзади.

Милли обернулась. В дверях стоял Гэвин и с ужасом смотрел на нее. Милли тут же выключила компьютер и встала, инстинктивно памятуя о том, что нападение – лучшая защита.

– Так ли обязательно было подкрадываться ко мне исподтишка?

– Ты копаешься в компьютере моего брата, – сказал Гэвин, очевидно, сбивый с толку ее напористостью.

Милли пожала плечами.

– Из соображений нашей же с тобой безопасности.

– Какой безопасности, о чем ты? Самсон мухи не обидит.

– Откуда такая уверенность? Ты хоть представляешь себе, чем он занимается за этим компьютером ночи напролет? Может, скачивает какие-нибудь садистские игры или смотрит порно?

– Он взрослый мужчина и волен смотреть что хочет.

Милли проскользнула в дверь мимо него и стала спускаться по лестнице. Гэвину пришлось последовать за ней.

– У меня на этот счет другая точка зрения, – продолжала она. – Твой брат психически ненормальный, за такими нужен глаз да глаз. Ты ведь не хочешь, чтобы когда-нибудь он учинил стрельбу в школе?

– Стрельбу? – переспросил Гэвин. – Зачем ему это?

– Ты либо не читаешь газет, либо не понимаешь, о чем в них пишут. Всякий раз, когда такой парень устраивает стрельбу, у родственников не укладывается в голове, что он оказался способен на такое. А потом выясняется, что преступник всегда вел себя немного странно, и ничего бы не случилось, если б родственники вовремя им занялись.

– Но Самсон...

– Это не более чем мера предосторожности.

Ей хотелось отхлестать себя по щекам за то, что позволила мужу незаметно подкрасться. Если Гэвин обо всем расскажет Самсону, тот, конечно, сменит пароль – и на этот раз выберет такой, который она точно не разгадает.

Но в глубине души Милли знала, что Гэвин будет молчать. Он был самым бесконфликтным человеком из всех, кого она знала, и тысячу раз подумал бы, прежде чем подливать масло в огонь и без того непростых отношений жены и брата.

– Будем и дальше пререкаться или пообедаем для начала? – холодно спросила она.

Гэвин как будто хотел сказать что-то еще, но раздумал. Он встал в пять утра. Работал водителем школьного автобуса и страшно уставал от своих шумных пассажиров. Поступок Милли ошеломил его, она это видела, но сил продолжать дискуссию не осталось.

– Давай пообедаем, – послушно согласился Гэвин.

Вторник, 8 декабря, 22.10

3

Она ничем не лучше других женщин – ни капельки. Мишель Браун – теперь я знаю ее фамилию и имя – на редкость высокомерная и неблагодарная особа. И не такая уж симпатичная, если приглядеться. Издалека выглядит гораздо лучше. Ее лицо было покрыто красными пятнами, а косметика поплыла. Никакого сравнения с Джиллиан Уорд! В «Доме на полдороги» та тоже сидела заплаканная, но от этого не превратилась в дурнушку. Слезы сделали Джиллиан нежной, беззащитной, так что ее сразу захотелось обнять. С Мишель Браун я ни за что не стал бы обниматься. Совсем не мой типаж. И все-таки у нее не было никаких оснований так пренебрежительно со мной обходиться.

И вот теперь я сижу с шерстяным шарфом, обернутым вокруг шеи. Передо мной на столе большая кружка горячего лимонного сока с медом. Меня знобит, я чувствую, что заболела. Такова плата за глупость с Мишель Браун.

Я был у нее около половины шестого. Часом раньше пустился в обратный путь из Шоберинесса, дольше не выдержал бы при всем желании. Холод пробирал до костей, я передвигался как старый паралитик. Кроме того, я проголодался. Откуда мне знать, где супермаркет в этом Шоберинессе? Летом на пляже можно купить сэндвич, но не в декабре же! Наверное, мне следовало бы брать бутерброды из дома, но я боюсь Милли, которая, конечно, не упустит случая попенять на мою никчемность. И, возможно, будет права.

Оставалась сосиска, предназначенная для Джаза, но у меня не хватило сердца лишить его этого удовольствия. Джаз был так добр и терпелив, так безропотно мерз и, наверное, боялся, что никогда больше не увидит хозяйки... Я чувствовал себя виноватым перед ним. За это он и получил сосиску, от одного запаха которой у меня закружилась голова. Я ведь утром не позавтракал как следует от волнения.

Я долго бродил по берегу в одиночестве. И все было бы хорошо, если б не холод. В сумерках вода стала черной и набегала на берег таинственными, полупрозрачными волнами. Потом зажглись огни, и за поредевшей пеленой тумана обозначились очертания города. Я видел закат, подумать только! Красное зимнее солнце опускалось в желто-серый лондонский смог. Добавьте к этому черную реку и баржу, медленно скользящую к устью Темзы. Обернувшись, я мог видеть колеблющую легким ветерком высокую, жухлую траву. Все было чудесно, не хватало только Джиллиан. Она должна была разделить со мной эту красоту.

Итак, в половине шестого я позвонил в дверь Мишель Браун, после того как пешком проделал путь от Шоберинесса до Торп-Бэй. Она рывком открыла дверь и уставилась на Джаза, который заколотил по полу хвостом как сумасшедший. Потом они обнялись. Мишель Браун присела на корточки, а Джаз скулил, вырывался и лизал ее заплаканное лицо. До меня никому не было дела. Когда же Мишель Браун наконец снова встала на ноги, она выглядела еще более растрепанной, чем раньше, и как будто несколько смущенной.

Сам не знаю, на что я надеялся. Помнится, прошлой ночью я воображал, как она обнимает меня. Сияющая. Исполненная благодарности. Но в действительности, взглянув мне в лицо, Мишель Браун сразу погрузилась. Сейчас, когда она получила назад свое сокровище, только вежливость мешала ей захлопнуть дверь перед моим носом.

– Где вы его нашли? – спросила она.

Я сделал неопределенный жест в направлении реки.

– Довольно далеко отсюда, почти в Шоберинессе. Я гулял там, когда он выбежал мне навстречу.

Я уже чувствовал, как стыдливый румянец заливает мне шею, и надеялся, что Мишель Браун этого не заметит.

Она беспомощно уронила руки:

– Что он там делал? Почему убежал? Ничего не понимаю... Такое с ним впервые.

– Может, увидел другую собаку и захотел с ней поближе познакомиться? – предположил я.

Моя версия не показалась ей убедительной; при этом Мишель Браун явно не догадывалась, что могло произойти на самом деле.

– Хорошо, что у него на ошейнике бирка с моим адресом и номером телефона, – сказала она. – Иначе вам пришлось бы долго меня искать. Хотя я уже заявила о его пропаже и в полицию, и в приют для животных. Рано или поздно мне все равно его вернули бы.

Мишель Браун понятия не имела, сколько всего я уже о ней знаю. Она же смотрела на меня так, будто видела впервые, и этим причиняла мне боль. Каждое утро на протяжении без малого полугода мы гуляли в одном месте, проходили в нескольких шагах друг от друга, но Мишель Браун меня не замечала. Как и другие женщины, впрочем. Я не тот, на кого обращаются на улице. Если я и могу чем привлечь внимание женщины, то разве своей никчемностью. В минуты самой беспросветной безнадёги мне кажется, что так будет всегда.

– Ну да... – согласился я. – Рад, что мне удалось найти его и вернуть вам. Джаз очень милая собака.

– Он для меня как ребенок, – ласково подхватила она.

Между тем я продрог. Все это время на задворках сознания крутилась одна-единственная обращенная к ней мысль: «Неужели ты не пригласишь меня на чашку кофе?» Конечно, Мишель Браун не знала, через что я прошел. Но я вернул ей ее «ребенка», неужели это не стоило кофе?

Некоторое время мы стояли и смотрели друг на друга, а потом Мишель Браун сказала:

– Итак, еще раз большое спасибо, мистер...

– Сигал. Самсон Сигал.

– Мистер Сигал, очень приятно. Я – Мишель Браун. Еще раз спасибо от всего сердца. Это был ужасный день. Я уже представляла, как Джаза переехала машина или его отловили для экспериментов над животными – чего я только себе не воображала... Это было ужасно.

– В таком случае желаю вам обоим приятного вечера, – сказал я и повернулся, чтобы уйти.

Она меня не удерживала. Прокричала вслед еще одно «спасибо», когда я был уже возле садовых ворот. Этим все и закончилось. Когда, уже на улице, я обернулся на ее дом, дверь была закрыта, и я снова остался один. Замерзший, голодный, до смерти уставший – ради чего?

Самое печальное, что в подобных ситуациях я неизменно прихожу к выводу, что такое случается только со мной. Вот, к примеру, Бартек – с пышными черными волосами, глубокими темными глазами, огненным взглядом и легким акцентом. Бартек, который становится совершенно неотразим в присутствии женщины. Кто может быть обаятельным и харизматичным, тому и достается их любовь и внимание. Его она бы точно пригласила, и вместе они отпраздновали бы счастливое возвращение собаки бокалом просекко. Может быть, Мишель Браун зажгла бы свечи или затопила камин, если, конечно, он у нее есть. И Бартеку не пришлось бы тащиться домой, как мокрому пуделю...

При этом подобное поведение кое-что выдает и в самой Мишель Браун. Она бросится на шею такому, как Бартек, и отмахнется от меня, как от навязчивого распространителя рекламы. Как будто я пытался навязать ей подписку на журнал. И это кое-что говорит о женщинах в целом. Большинство из них недорого стоит. Прядь черных волос, живописно падающая на лоб, восточноевропейский акцент – и от них можно получить что угодно. Бар-

тек неплохой парень, но довольно поверхностный и чересчур рациональный. Я мог бы дать им гораздо больше, просто до сих пор у меня не было возможности себя показать.

Мама говорила то же. «Самсон – человек со второго взгляда, – вот ее слова. – У него большое сердце, но это надо разглядеть».

Женщины не склонны так углубляться. Они видят во мне застенчивого парня, который легко краснеет и не может даже пошутить как следует. С безработными тем более разговор короткий. Женщины любят деньги, и Мишель Браун не исключение. Она, конечно, заметила, что моя одежда совсем не дорогая и довольно поношенная. После этого со мной все стало ясно. Достаточно хороши, чтобы вернуть собаку, но пригласить на кофе... на это я непотянул.

Она как все. Чертовы женщины, они каждый раз выставляют меня комком грязи, потому что таков я и есть в их глазах...

Мишель Браун, я тебя ненавижу. Как и всех, кто причиняет мне боль.

Среда, 9 декабря

1

«Даже самая длинная ночь когда-нибудь заканчивается», – подумала Энн.

Только к шести утра ей наконец удалось успокоиться. Еще пару часов снаружи будет темно, но Энн всегда вставала в шесть – в будние дни, чтобы успеть на работу в клинику, а по выходным немного порисовать перед приготовлением завтрака. Независимо от времени восхода солнца, ее день начинался в шесть.

Энн всегда нравилось бодрствовать, пока другие спят. Она не изменила этой привычке и теперь, когда жила одна в доме посреди леса, который ночью звучал совсем иначе, чем днем. Это одиночество слишком непохоже на городское. В лесу размываются границы между сном и явью, ночью и днем, и в этом таится опасность. Особенно в самое темное время года, перед Рождеством.

Прошлую ночь Энн провела в гостиной. Закуталась в теплое одеяло и крохотными глотками пила горячее молоко, пытаясь успокоить нервы. А вчера легла спать около половины одиннадцатого вечера и еще с полчаса читала в постели. Быстро уснула, но спустя некоторое время словно что-то вырвало ее из сна. По стенам комнаты заскользили лучи света, загудел автомобильный мотор, а потом все кончилось.

Где-то там, в холодной декабрьской ночи, стоит машина. В ней сидит человек... и что? Чем он занимается в темноте, в этом безлюдном месте? Наблюдает за одиноким домом посреди леса? За голым зимним садом? Зачем?

Энн лежала в постели с колотящимся сердцем и так хотела надеяться, что ей все приснилось... Хотя и знала, что это не сон и не игра воображения. В последнее время этот свет пробегал по стенам гостиной достаточно часто, чтобы отнестись к нему серьезнее. Даже не имея ни малейшего представления о том, что это может быть.

Электронные часы возле кровати показывали двадцать три тридцать.

Энн встала и подошла к окну. Здесь тоже были ставни, но она никогда их не закрывала. Энн старалась двигаться осторожно, чтобы ее не заметили. Слабый лунный луч пробивался сквозь тучи. Все пусто – ни машины, ни человека. Но Энн знала, что там кто-то есть. Она замерла на месте, прислушиваясь к собственному дыханию.

На какое-то мгновение ей пришло в голову позвонить в полицию. Энн уже прокручивала в уме этот странный разговор:

Алло! Я живу посреди леса, совсем одна... Минут десять от Танбридж-Уэллс, если на машине. И мне кажется, кто-то наблюдает за моим домом. Это продолжается уже несколько недель. Там стоит машина... Я вижу свет, когда она подъезжает к моему дому с включенными фарами... По ухабистой лесной дороге, именно... а другой здесь нет. Потом свет гаснет, но машина-то должна быть. Я понятия не имею, чего этот человек от меня хочет.

Бред выжившей из ума старухи... Энн дважды одергивала тянущуюся к телефону руку. Можно представить себе, как это выглядело бы со стороны. Женщина под семьдесят, достаточно странная, чтобы поселиться на богом забытой пустоши. К тому же вдова и рисует картины, похожие на предсмертный крик... Ну а теперь еще вообразила себе какую-то машину. И шум мотора.

По крайней мере, снаружи ее не видели. Энн зажгла везде свет, включила телевизор, чтобы слышать человеческие голоса. Убедиться, что не осталась одна в этом мире. Она вскипятила молоко. Снова замерзла, к собственному удивлению, и закуталась в одеяло. О сне теперь нечего и думать. Энн смотрела попеременно то на стену, то в телевизор, в то время как снаружи

кто-то сидел в машине и наблюдал за ее окнами. Энн понимала, что сквозь щели в ставнях пробивается свет. Кто бы ни был таинственный незнакомец, он не мог не видеть, что она не спит. Но что значил для него этот факт, Энн не догадывалась.

Кошмар рассеялся вместе с рассветными сумерками. Энн собиралась на почту в город, отправить рождественские подарки старым друзьям. Дневная жизнь делала ночные страхи нереальными. Теперь Энн была рада, что не выставила себя душой перед полицейскими. Кроме того, последняя бесконечная ночь натолкнула ее на единственно правильное в ее ситуации решение – продать дом и вернуться в Лондон. Туда, где она прожила большую часть жизни и где еще оставались люди, которых она знала.

Энн много всего передумала за эти долгие часы. Оживила боль, в которую она погрузилась после смерти Шона. И решимость, с какой все это время боролась с одиночеством и страхом. Вспомнила и обещание, которое дала Шону и самой себе в первые минуты после того, как он навеки уснул в больнице. «Я не предам твоей мечты. Проживу за тебя эту волшебную жизнь – с домом, который ты любил, садом и тихими летними вечерами на террасе, с зимним лесом, снегом и тишиной... Я проживу эту жизнь за тебя».

В то утро Энн разрешила себе нарушить это обещание. И не только из-за сумасшедшего, который в темноте глазел на ее окна. Кто бы он ни был и что бы ни было у него на уме, он послужил лишь спусковым крючком для ее решения. Одно Энн осознала той ночью: до сих пор она действительно жила мечтой Шона. Тем, что не имело ничего общего с ее собственными желаниями, стремлениями, представлениями о жизни. Что для двоих – романтика, для одного может обернуться кошмаром.

Энн оживилась, несмотря на усталость. Прошла на кухню и включила кофеварку. Поставила вариться яйцо. Достала из пакета хлеб для тостов, напевая под нос. В городе имеет смысл обратиться к агенту по недвижимости. Может, выкроит время в ближайшие дни на осмотр и оценку дома. А там она сама примется за поиски. Симпатичная трехкомнатная квартира с большим балконом, на котором можно разводить цветы, Энн вполне бы устроила. Главное – вокруг будут люди, с которыми можно общаться. И городские огни, даже в ночное время... Энн чуть не расплакалась, вспомнив, как тяжело давалось ей одиночество. Впервые допустив до сознания эту мысль, она поняла, как была несчастна. Как долго жила вопреки своим мечтам.

Энн продолжала напевать. На какое-то мгновение ей привиделся улыбающийся Шон, который кивнул ей, и на душе посветлело.

2

– Ну и?.. – спросил Питер Филдер Кристи.

Было раннее утро, и жизнь в кабинетах и коридорах полицейского управления еще не начиналась.

Питер Филдер часто заявлялся на работу раньше всех и многое успевал сделать, пока его не отвлекали ни вечно спешащие коллеги, ни телефонные звонки, ни внезапные совещания. Кристи Макмарроу, похоже, разделяла эту его привычку, что следовало воспринять как хороший знак. И сейчас она, конечно, пришла к нему с новой информацией, а не просто поболтать и выпить кофе.

Так или иначе, выглядела Кристи не слишком довольной. Что бы там она ни нарыла, вряд ли рассчитывала сдвинуть расследование с мертвой точки.

– Вчера я беседовала с двумя бывшими коллегами Карлы Робертс из аптеки, – начала Кристи. – Они описывают ее как милую, дружелюбную, но в то же время чрезвычайно замкнутую женщину. Обе не верят, что у нее могли быть враги. Собираюсь встретиться с бывшим менеджером филиала, где работала Карла, но не думаю, что это нам что-то даст.

Питер Филдер хмыкнул.

– Что-нибудь еще?

– Я посмотрела адресную книгу Карлы Робертс, но там не так много записей. В основном коллеги из аптеки. После того как она оттуда ушла, ни одной строчки как будто не прибавилось. Либо она вообще не заводила новых знакомств, либо не считала нужным таким образом их фиксировать. Хотя обнаружилась одна давняя подруга, еще с тех времен, когда Карла была замужем. Элеонора Салливан, с ней я тоже встретилась.

– Ну и что вы думаете насчет нее?

В вопросе Филдера не было скрытой насмешки. За годы совместной работы он научился доверять интуиции Кристи. И это отчасти было связано с тем, что он уважал и восхищался ею как женщиной.

– Не самые радужные предчувствия, – с сожалением призналась Макмарроу. – На сегодняшний день крайне маловероятно, что убийца имеет какое-либо отношение к прошлому Карлы Робертс. Если только в ее прошлом нет бездонных прорех, куда до сих пор никто не заглядывал... Миссис Салливан хорошо помнит Карлу Робертс и описывает ее, как и все остальные, как застенчивую, сдержанную и очень дружелюбную особу. Насколько ей известно, у Карлы никогда не было проблем с другими людьми. «Она была слишком тихой и незаметной, чтобы вступать в споры», – буквально так выразилась миссис Салливан. То есть избегала конфликтов и никогда никого не провоцировала.

Инспектор снова хмыкнул.

– В конце концов, это ненормально. У нее не было даже компьютера. Ни электронных адресов, ни страниц в социальных сетях, ни форумов – ничего. Мы блуждаем в темноте.

То, что осложняло жизнь Карлы Робертс, чрезвычайно затруднило выяснение обстоятельств ее гибели. Женщина без острых углов, идеальная сфера, безо всякой возможности с кем-либо сцепиться. И она должна была умереть такой ужасной смертью... Образец бесконфликтности все-таки спровоцировал у кого-то жуткую агрессию.

– Должно же быть в ее жизни что-то, что толкнуло преступника на такую немыслимую жестокость, – сказал Филдер. – Одно дело стрелять с безопасного расстояния, и совсем другое – засунуть в горло тряпку, чтобы человек захлебнулся собственной рвотой. Это ведь сразу не получится. Тряпку придется заталкивать все глубже и глубже, пока жертва корчится в ужасной агонии... По мне, за этим должна стоять просто чудовищная ненависть. Чем же Карла Робертс могла ее вызвать? Лично мне не верится, что она промелькнула по жизни незаметной, пугливой тенью.

– Разве только если убийство никак не связано с ее личностью, – заметила Кристи. – Возможно, выбор пал на Карлу Робертс исключительно из-за ее образа жизни. В таком случае у убийцы проблемы с женщинами в целом. И это было первое, о чем все мы подумали, когда увидели, что он с ней сделал.

– Тем не менее у нас нет других зацепок. – Филдер подавил зевоту. Он устал. – Эта миссис Салливан говорила что-нибудь о ее семейной жизни?

– Да. Похоже, до определенного момента это была нормальная во всех отношениях семья. Муж много работал, все время пропадал в офисе. Карлу ошеломило известие о его банкротстве и измене. Больше всего ее поразило то, что она столько лет ничего не замечала. Миссис Салливан разговаривала с ней по телефону, и эту мысль Карла Робертс повторяла снова и снова: «Как я могла этого не заметить?.. Где были мои глаза?». Похоже, с этим ей труднее всего было примириться.

– Он не проявлял склонности к насилию?

– Нет. Их семейная жизнь была довольно спокойной, хотя, возможно, тоскливой и однообразной. Муж тоже производил впечатление тихого парня. По словам Элеоноры Салливан, развод прошел гладко. Карла ничего не получила, потому что у него ничего не оставалось. А потом бывший супруг исчез, и больше никто его не видел.

Филдер не мог похвастать незаурядной профессиональной интуицией, но что-то ему подсказывало, что с бывшим супругом Карлы Робертс они тратят время впустую. Он сменил тему:

– А что с дверью в ее подъезд? Что-нибудь прояснилось?

На этот вопрос, по крайней мере, у Кристи было что-то конкретное.

– Да. Криминалисты говорят, с ней явно кто-то поработал. Пружину, благодаря которой дверь захлопывалась автоматически, вытащили из крепления плоскогубцами. После этого в подъезд мог проникнуть любой, в том числе убийца.

– Да, но сломать дверь мог обыкновенный малолетний вандал, не имеющий никакого отношения к убийству. Тем более с учетом того, что это Хакни. Столяр говорит, в последнее время подобные случаи участились.

Питер Филдер потерял глаза. Только что она перед ним замаячила – долгожданная путеводная нить, на несколько мгновений замерцавшая в тумане этого безнадежного дела. Легкий намек – этого было достаточно, чтобы вызвать прилив адреналина и развеять усталость. Но потом она исчезла, и снова ничего не осталось, кроме ощущения блуждания с полной потерей ориентиров.

Кристи уловила эту перемену настроения:

– Эй, босс! Выше голову, скоро Рождество!

Он даже не улыбнулся.

– Да, скоро Рождество. Но по городу бродит опасный безумец, и даже Рождество ничего не изменит.

– Думаете, он может повторить?

– Не исключаю. У него проблема, которую убийство Карлы Робертс, конечно, не решило.

– То есть это тот, кто ненавидит женщин вообще и выискивает наиболее благоприятные возможности излить свою ненависть? Это подтверждает версию случайной жертвы.

– Отчасти это так, и все же в чистую случайность я не верю. Что-то должно быть в жизни Карлы Робертс, что связывает ее с убийцей. Самое незначительное событие, о котором, возможно, никто не помнит, исчезающая малая точка – и в этом случае будет крайне сложно это разглядеть. Но я не думаю, что он вбежал в первый попавшийся дом, поднялся на восьмой этаж, позвонил в дверь случайно подвернувшейся квартиры и зверски убил хозяйку, по роковому стечению обстоятельств одинокую. По крайней мере, он должен был заранее знать о ее существовании и обстоятельствах жизни.

Филдер встал, исполненный решимости не допустить, чтобы усталость и депрессия снова взяли над ним верх.

– Он знал Карлу Робертс. Был осведомлен о ее замкнутости и нелюдимости. Именно поэтому мы должны внимательней присмотреться к ее жизни. Возможно, искать придется в тех местах, которые... не в первую очередь приходят на ум. И помните, у нас очень мало времени.

Кристи молчала. Она думала о следующей жертве.

3

В «Доме на полдороги» было не так многолюдно, как в прошлую пятницу. И все-таки в воздухе висел оживленный гомон, а у стойки сгрудилась кучка людей. Пол в грязных разводах. Где-то на заднем плане звучала приглушенная рождественская музыка.

Еще в дверях Джиллиан убедилась, что парня с ее улицы, Самсона Сигала, сегодня здесь нет. Иначе развернулась бы и снова вышла. Джиллиан не могла еще раз позволить себе показаться на глаза знакомому мужчине в таком месте и в такой компании. Но Самсона Сигала не было, насколько различали ее глаза. Присмотреться внимательнее не было возможности, потому что в зале уже раздавались первые недовольные выкрики:

– Закройте дверь! Не май месяц, леди!

Джон Бёртон приблизился в тот момент, когда Джиллиан показалось, что дольше она не выдержит. В глубине души она почти надеялась, что он ушел, потому что опоздала на сорок пять минут. То, что Бёртон все-таки дождался ее, было лестно, но в желудке беспокойной бабочкой затрепетал страх.

– Рад, что вы пришли. – Он взял ее пальто и под руку подвел к угловому столику с графином вина и двумя бокалами. – Надеюсь, я вам угодил.

– Да, конечно... Извините, что припозднилась. Вечером мы не оставляем Бекки одну, пришлось ждать возвращения мужа.

На самом деле именно в этот день Том вернулся довольно рано, чтобы освободить Джиллиан, которая еще утром объявила о предстоящей встрече с Тарой. Тем не менее Джиллиан сомневалась до последнего, сама не понимая причины собственной неуверенности. Джон Бёртон – тренер ее дочери по гандболу, и он пригласил Джиллиан на бокал вина, причем не к себе домой, а в публичное место. Что в этом такого?

Тара, с которой Джиллиан разговаривала накануне, чтобы подтвердить готовность подруги предоставить «алиби», лишь усугубила ее метания:

– Если все настолько невинно, почему бы тебе не сказать мужу правду? И зачем я тебе в таком случае нужна?

– У Тома могут возникнуть необоснованные подозрения.

– Какие такие подозрения? – Тара рассмеялась. – Слушай, давай наконец определимся. Можешь спокойно прикрыться мной перед Томом. Лично у меня никаких проблем с тем, что сегодня ты ляжешь в постель с мужчиной мечты. Только не надейся, что после этого все вдруг утрясется и встанет на свои места. Небольшое любовное приключение может задать толчок, но не более того.

– Я не лягу с ним в постель.

На это Тара ничего не возразила, но ее молчание было достаточно красноречиво.

В конце концов Джиллиан пошла, потому что не хотела выглядеть трусихой. Выбрала джинсы и пуловер, расчесала волосы, накрасила губы – и только. Бёртон не должен был думать, что ради него она долго трудилась перед зеркалом. К тому же, переборщив с косметикой, Джиллиан сделала бы неправдоподобной версию с Тарой. То, что она подвела глаза ради подруги, могло навести Тома на подозрения.

...Они сели, и Бёртон наполнил бокалы.

– У них на удивление хорошее вино. Если вы голодны, мы могли бы...

– Нет, спасибо, – оборвала его Джиллиан, которая в этот момент даже думать не могла о еде. – Ограничимся вином.

Она сделала глоток, и вино действительно ей понравилось. Прежде всего тем, что успокаивало нервы.

– Как Бекки? – поинтересовался Бёртон.

Джиллиан покачала головой.

– Ничего нового, если вы имеете в виду отношения между нами. Она сразу повеселела, когда узнала, что меня не будет сегодня вечером. Бекки любит ужинать наедине с отцом, а потом смотреть телевизор. Я стараюсь не подавать вида, но мне больно.

– Думаю, что многие девочки проходят через этот этап, когда отец становится ближайшим доверенным лицом, а мать только мешает. Скоро все будет наоборот. Неожиданно в доверие войдете вы, а отец будет теряться в догадках. Пока наконец не наткнется в ванной на молодого человека, который только что переспал с его дочерью, и поймет, что действительно что-то пропустил.

– Как у вас все просто!

Бёртон пожал плечами.

– На мой взгляд, некоторые вещи воспринимаются сегодняшними родителями слишком драматично. Иногда нужно всего лишь оставить все как есть.

– Даже если это грозит обернуться катастрофой?

– Универсального рецепта на этот счет не существует, – признал Джон Бёртон.

Джиллиан сменила тему.

– Запомните, – сказала она, – по официальной версии, сегодня вечером я встречаюсь с подружкой Тарой. Так я сказала мужу и предупреждаю вас, на всякий случай.

– То есть вы его обманули?

– Да.

– По вам не скажешь, что вы делаете это часто.

Джиллиан быстро глотнула вина и удивилась, что снова зашла дальше, чем предполагала.

Что угодно, только не флирт. Это не твой стиль!

– Нет, конечно. Я всего лишь... подстраховалась от лишних проблем.

– Ему не понравилось бы, что вы встречаетесь со мной, это понятно.

– А вам на его месте?

– Я неженат. Отчасти потому, что не хотел бы когда-нибудь оказаться на его месте.

– Так или иначе, мне было проще сказать, что я встречаюсь с Тарой.

Бёртон кивнул:

– Понимаю.

Некоторое время они молчали, а потом Джиллиан задала следующий вопрос:

– Почему вам захотелось со мной встретиться?.. Я имею в виду... наш с вами последний вечер как будто не особенно способствовал такому желанию.

– С чего вы взяли?

– Ну... я слишком много ныла, даже плакала. Утомляла вас своими глупыми проблемами. Не думаю, что нытик может быть интересен.

Бёртон остановил на ней задумчивый взгляд.

– Я не видел в вас нытика.

– Тогда кого?

– Очаровательную женщину с незначительными проблемами в жизни. А у кого их нет?

– Мне показалось, что под конец вы расстроились...

– Я не расстроился. Отстранился – возможно. Вы затронули тему, которую я не желал обсуждать.

– Ваш уход из полиции?

– Именно.

На этот раз у Джиллиан хватило такта не настаивать.

– И все-таки вы мне не ответили, – продолжала она. – Почему вам захотелось встретиться со мной еще раз?

– Я ответил, – возразил Бёртон с улыбкой.

Джиллиан ждала разъяснений.

– Я только что сказал, что вы очаровательная женщина, – пояснил он.

– И в этом причина?

– Честно говоря, да.

Его прямота обезоруживала. Джиллиан рассмеялась:

– Но... я замужем.

– Я знаю.

– И куда это нас заведет?

– Вам решать... В конце концов, из нас двоих вы вынуждены скрываться, обманывать мужа и тому подобное. И вы должны отдавать себе отчет, как далеко готовы зайти.

– Что, если я просто хочу допить вино и вернуться домой?

Бёртон пожал плечами и улыбнулся. Тем самым он как будто признавал маловероятным, что она действительно способна на такое. Джиллиан снова показалось, что он злится. Неожиданно она увидела в Джоне Бёртоне опытного соблазнителя и почувствовала, что ею манипулируют. Похоже, он следовал хорошо проработанному сценарию, предусматривавшему определенную последовательность уступок и провокаций, спокойных заявлений и циничных улыбок в нужный момент. Вспомнился вечер в гандбольном клубе и мама Филиппа, которую так волновала личная жизнь красивого тренера. А секрет, похоже, в том и состоял, что Бёртон не имел постоянной спутницы. Он соблазнял тех, кто ему нравился, переходил от одного мимолетного романа к другому, и это его вполне устраивало. И Джиллиан, которая все еще не вполне осознавала, чего от него хочет, перспектива оказаться очередной жертвой ловеласа точно не прельщала.

Она допила вино и остановила Бёртона, снова потянувшегося к графину:

– Мне достаточно, спасибо. Рада знакомству, Джон Бёртон. Думаю, мне пора домой.

Он выглядел ошарашенным.

– Как, уже сейчас?

Джиллиан встала.

– Да, я уже все для себя решила.

Он тоже поднялся, но Джиллиан уже направилась к гардеробу, где схватила пальто и выскочила в дверь, еще не успев его надеть. После духоты в помещении паба так приятно было ощутить на лице влажную прохладу декабрьского вечера! Джиллиан наслаждалась тишиной. Перед ней лежала река – бездонная в своей черноте. Плескались волны. Почувствовав запах морской соли и водорослей, Джиллиан наконец надела пальто. О чем она только думала, когда шла сюда?

Уже возле припаркованной на улице машины Джиллиан догнал Джон Бёртон.

– Подождите минутку... – Он немного запыхался. – Ну у вас и скорость... Я должен был по крайней мере расплатиться...

– Я и не собиралась вас ждать, – сказала Джиллиан, отпирая дверцу машины при помощи пульта дистанционного управления. Она хотела сесть, но Бёртон схватил ее за руку.

– Что я сделал не так?

– Все так, – ответила Джиллиан. – Просто... мне это не нравится.

– Что вам не нравится? Пить со мной? Разговаривать?

– Мне не нравится лгать мужу и дочери. И ввязываться в то, что сделало бы ложь необходимой.

– Но вы уже солгали мужу сегодня.

– Надеюсь, в первый и последний раз.

– Подождите... – взмолился Бёртон. – Вы не можете так просто сесть и уехать. Извините, если я вел себя как высокомерный глупец... – Он покачал головой, когда Джиллиан хотела возразить. – Да, именно так оно и было. Я хотел выглядеть опытным соблазнителем, и это вас, похоже, расстроило. Это очень прискорбно, правда... Больше мне сказать нечего.

– Ничего страшного не случилось, просто...

– Я всего лишь прошу вас... дать мне еще один шанс.

– Джон, вы понимаете...

– Не могли бы мы немного посидеть в вашей машине? – попросил он. – На улице холодно и... никогда не знаешь, кто может подслушать.

– Хорошо, – согласилась Джиллиан.

Она села за руль. Джон Бёртон проскользнул на пассажирское сиденье.

– Я очарован вами, – сказал он. – И хочу увидеть вас снова, вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам. Поймите, я не могу просто взять и выкинуть вас из головы. Я пробовал сделать это на выходных – ничего не получилось.

– Уверена, что желающих вас утешить найдется более чем достаточно, – ответила Джиллиан.

Джон Бёртон серьезно посмотрел ей в глаза.

– Это не так, – возразил он. – Возможно, то, что я говорю, не вяжется со слухами обо мне, но вы должны мне поверить. Таких женщин не существует.

Похоже, он был искренен.

– Но среди родительниц в клубе вы имеете репутацию донжуана.

– Мне лестно, но это неправда. Мой последний роман остался в далеком прошлом. Все эти годы я жил как монах.

– При этом производите впечатление очень опытного соблазнителя.

– Если б это действительно было так, я вовремя обнаружил бы, что иду по ложному следу. Я извинился, Джиллиан. Я вел себя как идиот.

– ...и при этом вам так нравится окутывать себя тайной... – продолжала она.

– Спрашивайте, что бы вы хотели обо мне знать. Я все скажу! – Его взгляд стал умоляющим. – Мне нечего скрывать от вас, Джиллиан.

– Почему вы ушли из полиции?

Бёртон всплеснул руками в беспомощном жесте:

– О боже... Почему это вас так волнует?

– Просто интересно.

– Ну хорошо, – согласился Бёртон. – Только, боюсь, после этого вы вышвырнете меня из машины и заберете дочь из клуба.

– Звучит интригующе.

– На самом деле, ничего интересного. Восемь лет назад одна молодая женщина заявила на меня в полицию... Моя практикантка. Она утверждала, что я ее изнасиловал. Прокуратура закрыла дело за недостатком улик. Мне даже не было предъявлено обвинение. Но оставаться после этого на прежнем месте я не мог. Удовлетворены?

Джиллиан испуганно посмотрела на него.

4

Когда она подъезжала к гаражу, на дорожке к дому скользнула тень.

– Я услышал твою машину, – сказал Том. – И вот подумал...

Джиллиан хлопнула дверцей.

– Что ты подумал?

– ...подумал, что надо бы тебя встретить. – Он улыбнулся.

Заботливость Тома тронула Джиллиан. Иногда у нее складывалось впечатление, что он женат на их совместном лондонском бюро и вторым браком – на теннисном клубе. Но были моменты, когда под толщей повседневных забот и проблем шевелилось нечто, связавшее их много лет тому назад, и Джиллиан чувствовала подступающее к сердцу тепло. Хотя именно сегодня предпочла бы обойтись без этого.

Она заметила, как Том на нее косится. «Неужели догадался?» – мелькнула в голове пугливая мысль. Примерно то же в этот момент подумал и Том, который видел перед собой свою Джиллиан – женщину с длинными, чуть взлохмаченными волосами и тонким профилем. Ту, с которой познакомился еще в студенческие годы и вскоре после этого уже не представлял без нее жизни. Давно Том так не вслушивался в тишину в ожидании Джиллиан. Непонятная тревога выгнала его из теплой комнаты на холод, как только послышался гул автомобильного мотора. И его беспокойство было тем сильнее, что он не знал его причины.

Джиллиан было девятнадцать лет, когда она поступила в университет, и с первого взгляда заинтересовала Тома. Она отличалась от других студенток, и дело было не только в ярких,

вечно растрепанных волосах. В ней чувствовалось что-то старомодное. Единственный ребенок не в меру заботливых родителей, она вдоволь наслушалась предупреждений об искушениях и опасностях взрослого мира и только в университете в полной мере насладились свободой.

Джиллиан выбрала Глазго, хотя и происходила из Норвича, то есть Восточной Англии. Основной причиной, которую она открыла Тому позже, было как можно больше дистанцироваться от родителей, чтобы мать не приезжала навещать ее каждые выходные.

Иногда Джиллиан оставляла впечатление нерешительной и инфантильной девушки, но под застенчивостью ключом било жизнелюбие. До последнего момента, благодаря бдительности матери, она ни разу не оставалась с мужчиной наедине, и это тоже не способствовало решительности. Большинство девушек гуляли с парнями с шестнадцати лет. А Джиллиан и в восемнадцать понятия не имела, какое впечатление производит на мужчин и производит ли вообще.

С появлением Тома все изменилось. Он быстро взял Джиллиан в оборот, и вскоре они стали любовниками. Джиллиан расцвела – не только из-за красивого молодого человека с репутацией звезды большого тенниса, но и потому, что открыла в себе новые силы и таланты – и вдруг обнаружила, что, вопреки предупреждениям матери, взрослый мир прежде всего безумно интересный и сложный, а представления о его опасности и искушениях иногда бывают преувеличены.

Джиллиан пользовалась популярностью не только у однокурсников, но и у преподавателей. Получала высокие баллы на экзаменах и танцевала ночи напролет по выходным. Когда она, за несколько месяцев до выпуска, устроилась в кинокомпанию, чтобы немного подзаработать, ее не хотели оттуда отпускать, быстро предложили постоянную работу и научили делать финансовые расчеты. В то время она будто светила изнутри.

«Теперь все изменилось, – с тревогой подумал Том. – Может, это и заставило меня броситься ей навстречу? Джиллиан погасла. Она больше не светится».

– Ну, как Тара? – спросил он, когда Джиллиан уже достигла входной двери и переступила порог. – Вы ведь были в пабе?

– Да. Как ты догадался?

– От тебя пахнет пабом. Кстати, ты рано...

Простившись с Джоном Бёртоном, Джиллиан направилась к школе и некоторое время прождала там на парковке, чтобы не появляться дома слишком рано. Подумала было съездить к Таре, чтобы обсудить с ней тревожные новости, но вовремя осознала, что Тара не тот человек, с кем можно беседовать на эту тему. С Джоном Бёртоном, во всяком случае, после этого разговора было бы покончено раз и навсегда. И подруга не успокоилась бы, пока Джиллиан не забрала бы Бекки из гандбольного клуба. Тара была юристом, и факт, что делу против Джона Бёртона так и не был дан ход, не впечатлил бы ее. Тара слишком хорошо знала, что на самом деле в таких случаях может означать формулировка «за недостатком улик».

В какой-то момент Джиллиан почувствовала холод и поехала домой, все еще слишком рано для возвращения с вечера в компании Тары.

– У нее назначена еще одна встреча на сегодня, – объяснила она Тому. – Ты ведь знаешь, Тара вечно занята... Мы видимся в перерывах между ее деловыми встречами.

– Понятно, – Тома посмотрел на нее в ярком свете прихожей. – Ты выглядишь напряженной. Всё в порядке?

– Да. Это все истории из юридической практики Тары... Неудивительно, что я взбудоражена.

– Никогда не понимал, что вообще между вами... – Том осекся, потому что затронул запретную тему дружбы с Тарой.

– Бекки еще не спит?

– Легла двадцать минут назад. Спала, когда я к ней заглянул. С Чаком в обнимку, конечно. С ней все хорошо.

Ясно. У Бекки с Томом всегда все хорошо. Проблемы остаются на долю Джиллиан.

– Мы заказали пиццу, – неожиданно сообщил Том, – и тут же съели всё до крошки перед телевизором. Ты знаешь, как она это любит... прямо из коробки, сидя на полу.

Джиллиан истолковала это как намек.

– Но я не могу каждый вечер доставлять ей такое удовольствие, – объяснила она. – Время от времени Бекки должна есть и здоровую пищу, пользоваться ножом и вилок. Да и ложиться ей желательно пораньше, чтобы потом не спать на уроках.

Это прозвучало резче, чем она рассчитывала. Том забеспокоился:

– Я и не думал предъявлять к тебе претензий. Разумеется, сегодняшний вечер – исключение. Но я не так часто остаюсь с ней наедине, так что могу немного побаловать.

Джиллиан и сама не знала, что вдруг на нее нашло. Том был прав, но то, что не следовало превращать каждый вечер в праздник для Бекки, тоже было верно. Джиллиан ревновала его к Бекки, поэтому и вела себя не как взрослая женщина. Несправедливость ситуации была очевидна, но это считалось нормой во многих семьях. Как отец, Том больше времени проводил на работе, поэтому каждый вечер с дочерью превращался в нечто необычное. Джиллиан же приходилось заставлять Бекки есть овощи, делать домашние задания и ругать за бардак в комнате. Ее популярность приносилась в жертву порядку.

– Может, и мне стоило бы ездить в Лондон каждый день, – сказала Джиллиан. – Думаю, больше работы пошло бы мне на пользу.

Том посмотрел на нее с удивлением.

– Ничего не имею против. Ты отлично справляешься, и мне хотелось бы чаще видеть тебя в офисе. Но что будет с Бекки?

– Бекки вполне может оставаться дома одна. Так или иначе, она тяготится моей заботой. Думаю, будет правильней ее отпустить – если не совсем, то хотя бы ослабить хватку. Я всегда считала, что мои родители слишком меня опекали, а теперь, похоже, повторяю их ошибки.

– Бекки двенадцать лет, – напомнил Том. – В этом возрасте дети считают себя взрослее, чем есть на самом деле. – Он прошел в гостиную, встал у окна и выглянул в темноту, где мог видеть лишь отражение комнаты на стекле, и задумчиво закончил фразу: – Хотя... может, стоит попробовать и это.

Джиллиан сбросила сапоги и последовала за ним.

– Бекки хочет, чтобы я ей больше доверяла. Я не могу это игнорировать.

Том повернулся к ней, и Джиллиан вдруг увидела, как он устал. В то же время муж вздрагивал от внутреннего напряжения, как будто стоял на теннисном поле и в следующую секунду собирался, взмахнув ракеткой, атаковать противника. Даже в нерабочее время Том не мог выключить перегруженный внутренний двигатель, и время лишь усугубляло эту проблему. Он выглядел как человек, двадцать четыре часа в сутки искусственно подпитывающий себя адреналином, но Джиллиан-то знала, что это не так. И не раз умоляла мужа обратиться к врачу, потому что боялась, что однажды его хватит сердечный приступ – классическое завершение сценария.

– С сердцем всё нормально, – сказал он, как будто знал наперед все ее возражения.

В конце концов, с тех пор, как они познакомились, Том по широкой дуге обходил все, что хотя бы отдаленно напоминало о медицине.

Джиллиан подошла и положила руку ему на плечо.

– Все будет в порядке, – заверила она.

– Конечно, – ответил Том.

Он не понимал толком, что она имеет в виду, но почему-то решил, что Джиллиан оставила тему Бекки и переключилась на что-то другое. С некоторых пор дистанция между супругами увеличилась, и исчезновение блеска в глазах Джиллиан не в последнюю очередь было связано и с этим тоже. Том много работал, фанатично играл в теннис и слишком мало времени

проводил с женой. Джиллиан никогда ни в чем его не винила, его компания была и ее компанией, и она прекрасно видела, через что им пришлось пройти, с тех пор как мировая экономика погрузилась в кризис – самый разрушительный после двадцатых годов прошлого века.

Джиллиан никогда не жаловалась, потому что Том из последних сил отстаивал их общее дело. И теннис был прежде всего отдушиной, без которой он мог бы не выдержать чудовищной нагрузки. И все-таки она не понимала, почему Том больше не с ней, даже когда лежит рядом в постели. Это причиняло ей страдания.

Том и сам себя не понимал. Он любил Джиллиан и прекрасно помнил, когда принял решение связать с ней судьбу, потому что вдруг осознал, что другого варианта для него нет и быть не может. Как-то осенью на выходных, еще в университете, они отправились в поход по Шотландскому нагорью, с палаткой. Погода выдалась солнечная, вокруг расстилались бескрайние холмистые равнины, поросшие темно-фиолетовым вереском. Вечером разожгли костер, а потом уютно устроились в спальном мешке, согревая друг друга. За ночь сильно похолодало, и они не видели собственных рук в опустившемся с гор тумане. Пришлось возвращаться, но на скалистом утесе Том неудачно поскользнулся и упал. Позже выяснилось, что это перелом, но тогда Том лежал между огромными валунами в сыром тумане и чуть ли не терял сознание от боли. Его тошнило, кружилась голова. Где-то на парковке осталась его потрепанная, ржавая машина, но он понятия не имел, как теперь будет до нее добираться.

Джиллиан перепугалась до полусмерти, но быстро взяла себя в руки. Соорудила шину из веток и марлевых бинтов и зафиксировала поврежденную лодыжку. Потом взвалила на плечи тяжелую палатку, помогла Тому подняться и поддерживала его, парня ростом сто девяносто сантиметров, на узких горных переходах, в вибрирующем от сырости тумане долин, на скалистых тропах, где холод пронизывал до костей. Подбадривала, когда становилось особенно больно, хотя сама едва держалась на ногах от усталости. И шла вперед, стиснув зубы, неколебимо и решительно.

А Том тем временем думал, что отныне и навеки никуда ее от себя не отпустит. И не только потому, что видел в ней свою спасительницу. Джиллиан обнаружила перед ним свою сущность и силу – при любых обстоятельствах, стиснув зубы, делать то, что нужно делать в данный момент.

Они поженились, еще не закончив учебы. И чувства Тома в отношении этой женщины с тех пор не изменились. Он по крайней мере знал это, по-прежнему любил Джиллиан и доверял ей во всем. Она была его опорой и лучшим другом. Но чтобы показать ей это, ему нужно было остановиться, перевести дух и стать прежним Томом. И это было то, на что он не был способен. Потому что жизнь давно тянула Тома за собой, как на буксире, и сбавить скорость было не в его власти.

– Я люблю тебя, Джиллиан, – мягко сказал он.

Она как будто удивилась, и Тому стало не по себе. Неужели он так давно в последний раз говорил ей об этом?

– Я тоже люблю тебя, – сказала она.

Он попытался разглядеть ее лицо. Оно показалось Тому не таким, как обычно. Очевидно, с Джиллиан происходило что-то, о чем он не догадывался.

– Я должна тебе кое-что сказать, – резко начала она. – Дело в том, что я сегодня...

Она осеклась. Том смотрел вопросительно.

– Что?

– Ничего... Так, пустяки...

Полтора часа назад, в машине, она на несколько минут потеряла дар речи после признания Джона Бёртона. Он схватил старый чек, валявшийся в бардачке, достал из кармана пиджака карандаш и нацарапал номер:

– Вот... мой мобильный. Я больше не стану вас беспокоить, но все время буду ждать вашего звонка. Сегодня вы узнали обо мне то, что хотели знать. Если возникнут еще вопросы, я готов говорить с вами о чем угодно – просто свяжитесь со мной.

С этими словами он вышел и исчез в темноте, а Джиллиан поняла, что бразды правления перешли в ее руки. Теперь она может ему позвонить. Или забыть все как кошмарный сон.

– Точно? – спросил Том. – Ерунда, ты уверена?

Джиллиан кивнула.

– Пойдем спать, – сказала она.

Четверг, 10 декабря

– Найти покупателя на дом будет не так просто.

На Люка Палма Энн вышла через подругу, и он без лишних возражений приехал в ее лесное имение под Танбридж-Уэллс из Лондона. Рынок недвижимости переживал не лучшие времена, поэтому риелторы радовались любой возможности заработать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.